

or > Space factor > Space factor > S

Андрей ЗЕМЛЯНОЙ

ГЛУБИНА

Ты избран судьбой — решайся!

Annotation

Планета, практически полностью покрытая водой. Планета, которая находится в эпицентре физической аномалии и интересов всех обитаемых миров, включая Старые Расы. Планета, куда попадает наш с вами современник, избранный судьбой для особых задач.

Андрей Земляной
Глубина

Мощный бинокль рисовал картинку ярко и чётко, так что можно было увидеть каждую травинку на повороте трассы из подмосковного посёлка в столицу. Через четыре минуты по этой трассе должен проехать кортеж из трёх машин, в одной из которых — бронированном «мерседесе» — ехала текущая проблема.

Проблема звалась Сергей Игнатьевич Польских и была владельцем многочисленных заводов, газет и пароходов, что, кстати, не делало чести ни стране, ни территории, на которой страна располагалась. Потому что Сергей Игнатьевич был законченным мерзавцем. И кроме всех его грехов, любил ещё с шиком погонять по ночным улицам столицы на новеньком «ламборгини». Ну и что с того, что сбил очередную девку, а та взяла да и померла, не приходя в сознание? Не будешь же у каждой жертвы спрашивать, а нет ли у неё родственников, которые даже жизнь крупного олигарха считают просто очередной и отнюдь не самой трудной проблемой на жизненном пути?

Ну да. Дело на тормозах спустить не удалось. В перспективе маячил суд и, возможно, реальный срок, но жизни одной отдельно взятой девочки это никак не возвращало. И можно было бы подождать пару месяцев, пока не схлынет волна, но гражданин Польских в приступе глупости заказал жизнь отца девочки киллерам, что резко ускорило развязку.

А полковник ФСБ Виктор Афанасьев всегда платил по долгам. И вот это, последнее, было самым неприятным для чиновника, отчего он, плеейбой и повеса, уже третью неделю выглядел уныло и практически не выходил из дома, который взяли в тройное оцепление специалисты из частной военной компании.

Эти же специалисты уже раз пять проверили трассу своими хитрыми приборами и один раз даже подобрались довольно близко к его лёжке, но месить ноябрьскую грязь никому не хотелось даже за большие деньги.

А полковнику было даже где-то удобно. Непромокаемый костюм с толстой шерстяной одеждой позволяли ему достаточно долго лежать в ожидании, когда будущий труп решит наконец появиться на свет.

Лишь чуть-чуть сбросив скорость, кортеж вписался в поворот, и водитель уже нажал акселератор, посылая мощную машину вперёд, когда пятьсот килограммов аммонала детонировали в трубе водостока под дорогой.

Машину даже не приподняло, а просто разорвало в клочья, а «гелендвагены» охраны разбросало в стороны, словно игрушечные.

«А понтов-то было!» Виктор бросил последний взгляд на столб дыма и, зафиксировав поражение цели, неторопливо отступил в лес.

Там, у схрона, переоделся, быстро нанёс на лицо маскировку, превращавшую его в пожилого сельского жителя, и, щедро плеснув на себя вонючим самогоном, не торопясь двинулся к городу.

В город въехал уже в образе запоздалого дачника-пенсионера на старенькой «ниве». Машину оставил там же, где её парковал хозяин, в закутке между гаражей, и, снова переодевшись и сменив личину, подошёл к телефону-автомату.

— Как дача, не сгорела? — хохотнул в рубку его старый друг. — Тут, кстати, корпоратив намечается.

— Спасибо, Ян, — Виктор усмехнулся, и тонкие губы изогнулись в насмешливой

гримасе. — Я пару деньков погуляю, а потом зайду. Чего-то сердце пошаливает.

Повесив трубку телефона-автомата, он задумался. Домой ехать нельзя. И даже не потому, что он боялся коллег по старой работе. Просто не хотел убивать своих, тем более по такому пустяковому поводу.

Выходило так, что нужно включать в действие самый крайний вариант. Убраться в одну из среднеазиатских республик, и оттуда, используя бразильский паспорт, улететь куда-нибудь в ту же Бразилию, где его искать будут до второго пришествия, особенно в районе фавел.

Единственное, с кем бы он хотел попрощаться перед убытием, был Васька — Василий Краснов, бывший жених дочери. Хороший парень, работавший в каком-то мутном НИИ, был сам готов ехать разбираться с подонком, но Виктор сумел его отговорить, пообещав, что решит вопрос.

Закрытый НИИ для опытного и хорошо обученного профессионала был открыт, как рынок в воскресенье, и, поднявшись на второй этаж, Виктор открыл тяжёлую стальную дверь и заглянул в лабораторию, уставленную красивыми блестящими приборами неясного назначения.

— Василий?

— Виктор Иванович! — молодой человек в несвежем халате с пятнами, всклокоченными волосами и какой-то непонятной штукой в руках подскочил к двери. — Вас ищут. По телевизору передавали. Даже вашу фотографию показывали.

— Это ещё пусть найдут, — Виктор усмехнулся. — К тебе не заходили?

— Звонили, — юноша потупился, — предупреждали...

— Да не кручинься, — Виктор прикрыл за собой дверь. — Я попрощаться забежал. Сейчас рвану огородами, и пусть ловят конский топот.

— Они ещё просили передать, что южный и северный коридоры закрыты, — Василий совсем погрузился. — И что они нашли вашу лёжку.

— Да, это плохо, — Виктор вздохнул. — Ладно. Прихвачу ствол да патронов, сколько унесу, и встречу дорогих гостей торжественным салютом.

— Есть один вариант, — молодой человек метнулся в другую комнату. Через секунду раздался громкий щелчок, и лабораторию заполнило басовитое гудение какой-то установки, а затем шелест ткани, и когда Виктор вошёл в помещение, бывший жених Насти уже крутил какие-то ручки, стоя на чехле, сброшенном с установки.

— Значит, так. Установка совершенно точно работает. Она берёт сознание и перебрасывает его в ближайшее тело, лишённое рассудка. Ну, там, в коме или идиота какого. Если напряжение по максимуму, то по нашим расчётам уносит аж на другой материк. Пока только один достоверный случай — вселение в китайского парня, лежавшего в коме после катастрофы. Но есть риск влететь в тело ребёнка. Тело малыша не в состоянии вместить разум носителя, и сознание просто обнулится, лишившись опыта. Что-то сохранится, но что? Ну и вот, — он неожиданно остановился и развёл руками. — Рискнёте?

— Чтобы оставить всех в дураках? — Виктор улыбнулся. — Да легко. А что ты потом с телом делать будешь?

— Всё предусмотрено генеральным планом нашего начальства, — молодой человек улыбнулся и показал на шкаф из полированной стали. — Немецкая печка для уничтожения трупов. Через пять минут только горстка пыли, и ту можно выдуть в атмосферу. Развеять, так сказать, пепел над городом.

— Так, подожди, — Виктор стал быстро выгружать из карманов вещи. — Деньги

забирай, мне они точно не пригодятся. Документы сожги вместе с телом, а оружие... — он вытащил магазин, передёрнув затвор, вытащил патрон из патронника и быстро выщелкал остальные патроны из магазина на расстеленный носовой платок. — Расплавь, что ли. Только патроны нужно выбросить подальше.

— Это хоть сейчас, — Василий подошёл к углу комнаты и, выдернув затычку фановой трубы, высыпал патроны с платка в канализацию. — А пистолет сейчас брошу в тигель. Мне как раз пару стержней попрочнее нужно. Оружейная сталь хорошо подойдёт.

— Ну, прощаться будем, сынок, — Виктор слегка обнял Василия. — Не кручинься. Всё, что даёт нам Господь, по ноше нашей.

Виктор улёгся на узкую лежанку и махнул рукой:

— Начинай.

Двигаясь на тонких рельсах, лежанка с тихим шелестом вкатилась внутрь огромной бочки, напоминавшей томограф, и внешняя створка сомкнулась с негромким металлическим лязгом.

Последнее, что помнил Виктор, было мелькание голубой лампы, потом вспышка, и всё пропало.

Атранго-то. Промышленно-исследовательский центр корпорации Кейр

Шоу Ферма! Тысяча сотый, юбилейный, сезон!

Помолодевшая Дайни Ласс снова обращает своё внимание на Карриша, а он увлечён юной дебютанткой Гейни.

Красавчик Тайвор добавил к своей семье третью подружку, и теперь они вчетвером зажигают в роскошной спальне северного крыла.

Конкурс на лучшую добычу проводит спонсор показа — дом мод Геллати. Тот, кто в течение следующей недели принесёт самую большую шкуру р'эца, получит комплект пляжного белья из новой коллекции на себя и на свою подругу, а также два билета на шоу «Попки» в плавучем городе-казино Телгрим.

Не пропустите!

Завершился визит Ххорна Ишшиси на Океан. В итоговом заявлении Ххорн Ишшиси подтвердил курс Конфедерации Рихоор на всемерное развитие торгово-экономических связей с республикой Океан и выразил уверенность в неизменности политического статуса Республики как независимой территории.

Центр производства клонов находился на глубине двести метров, в самой охраняемой зоне корпорации Кейр, прикрытый со всех сторон минными полями, автоматическими пушками и тысячами роботизированных мин.

Здесь не только выращивали тела клонов, но и, используя технологии ксеносов, притягивали в них души разумных существ, сразу делая из безмозглого куска мяса пусть и очень ограниченного, но вполне работоспособного человека, способного трудиться на плантациях саххи или выполнять другую несложную работу.

Клоны были куда эффективнее и, самое главное, дешевле роботов. Правда, для этого с помощью полученной у ксеносов технологии пришлось выдёргивать матрицы сознания из субпространства и внедрять их в оболочки. Несовершенство техники приводило к тому, что клоны никак не поднимались в развитии выше, чем пятилетний ребёнок, но для тяжёлых работ они подходили идеально.

У клонов был лишь один, но существенный недостаток. Тела, выращенные искусственно, жили от силы пять-шесть лет, стремительно угасая к концу цикла. Но и этот недостаток был для производителей достоинством, поскольку каждому потребителю клонов постоянно требовался приток свежих рабочих.

Серия 238 отличалась от туповатых рабочих принципиально. Здесь использовались совершенно другие алгоритмы соединения мозга и матрицы сознания, а потому мозг клона не подвергался деградирующим изменениям.

Впервые учёные получили возможность создавать не просто рабочих для тяжёлых работ, а охранников и бригадиров. Для этого тела получили не только мощный костяк и отличную мускулатуру, но также модифицированную нервную систему плюс изменения в зрительном аппарате, позволявшие видеть в темноте.

Заказ на таких клонов поступил сразу из двух корпораций, потерявших значительное количество людей в нескольких кровопролитных стычках и собиравшихся таким образом заполнить вакансии хотя бы на время, пока не будут наняты нормальные бойцы.

Несмотря на большой процент брака, работы продолжались. Дорогие расходники тратились, улетали словно в трубу нейроусилители, а из десяти оболочек лишь одна показывала сносные для будущего бойца результаты.

Но оболочка под номером сто четыре-десять была необычной даже по меркам этой непростой серии. При закладке нейропрограмм над кратером подводного вулкана, где располагался центр, пронеслась Волна, надолго вырубив все охранные системы, и пока вызванные по тревоге охранные отряды латали разрушенную систему обороны, тело просто висело в гравиподвесе в обесточенном модуле.

Сначала тело хотели отправить в утилизацию, но совершенно неожиданно нервная система дала стабильный отклик, и вот теперь лаборанты тестировали будущего бойца по ста десяти контрольным параметрам перед продажей.

Лаборантка, работавшая на фабрике, внесла в планшет запись о параметрах тела и посмотрела на напарника, который стоял возле прозрачного цилиндра, заполненного прозрачной чуть зеленоватой жидкостью.

— Какой удачный экземпляр. Скорость реакции, мышечный индекс — всё на максимуме.

Сказавший это молодой человек в матово-белом комбинезоне рассматривал высокого мускулистого мужчину со смешанным чувством ущербности и превосходства. Идеальные формы, прекрасно развитые мышцы и жёсткие черты лица, что принято называть «волевыми», были бы плохим, очень плохим объектом для сравнения с бледнокожим и рыхлым, словно варёная рыбина, юношей. Если б не одно «но». Глаза мужчины — зеркало его души — были совершенно пусты, словно два осколка стекла.

Сменная лаборантка — девушка лет двадцати пяти, — работавшая на анализаторе, снова обернулась на прозрачный контейнер с телом, нервно облизнула вдруг пересохшие губы и рассмеялась дробным, несколько истеричным смехом, поглядывая на напарника.

— Тебе уже не хватает женских тел?

Молодой человек обиженно и несколько нарочито отвернулся в сторону вспомогательного пульта:

— Ты же знаешь, что это было всего лишь раз.

— Знаю, знаю... — она лениво отмахнулась. — Все через это проходят. Все равно, что спать с куклой.

Тут она немного, как, впрочем, и все сотрудники, кривила душой. Все дело было в том, что для тяжёлых работ на плантациях сорсы годилась только первоклассная генетическая форма.

Рубить плотные водоросли на глубине в полсотни метров по десять часов подряд было настолько тяжёлым занятием, что виброножи приходилось заряжать перед каждой сменой, а клоны выдерживали не больше двух-трёх лет такой каторги.

Именно поэтому физической форме клонов придавалось такое значение. Широкая грудь с пластами мощных мышц, широкий костяк и правильные черты лица.

Зрелище идеально сложенных мужских и женских тел вполне было способно соблазнить человека и покрепче, чем развращённых цивилизацией вседозволенности работников фабрики.

Секс с оболочками, как называли тела, не поощрялся, но и не запрещался. Руководство, озабоченное по-настоящему только исполнением программы производства, следило вполглаза лишь за тем, чтобы всё было относительно в рамках приличий.

Знания языка уже влили в головы будущих работников ферм, и теперь оставалось провести маркировку тел. Но это уже забота другой смены. Лаборантка поставила подпись в журнале и, не дожидаясь напарника, вышла из помещения репликации. Сегодня на верхнем уровне фабрики устраивали вечеринку, и она не хотела опоздать на праздник.

Когда помещение опустело, глаза клона сто четыре-десять вдруг закрылись, тело вздрогнуло, задёргалось, словно под воздействием тока, и когда глаза снова открылись, в них уже не было пустоты, а было напряжённое внимание, с которым клон осматривал помещение зала.

Рука поднялась и, осторожно потрогав загубник, прошла пальцами по лицу, голове и быстро ощупала всё тело.

Нештатная активность тела была сразу же отслежена системой, и в дыхательную смесь впрыснули снотворное, погрузившее оболочку в глубокий сон.

Во второй раз сознание возвращалось какими-то рывками. Сначала появились звуки. Станные, неясные, но они пробились сквозь ватную оболочку тишины. Что-то тикает, кто-то не то мяукает, не то стонет.

Потом вернулось обоняние. И это было удивительно: пахло... стерильностью. Словно в больничной палате. Острый, резкий запах чистоты, дезинфицирующих средств, озона и какой-то душистой химии.

Затем проявилось осязание. Виктор лежал на чем-то слегка упругом, гладком и приятно прохладном. Пошевелил рукой. Движения оказались лёгкими, тело слушалось, как после сеанса массажа. И ни одеяла, ни подушки. Просто кровать или плотный матрас. Рука двинулась дальше. Результат не обрадовал: кровати тоже не наблюдается, если только он, подобно Гулливеру, не угодил в страну великанов Бробдингнег и не валяется теперь на постели одного из аборигенов.

Рука быстро ощупала тело. Одежды нет, но и тело сильно отличалось от его родной оболочки. Уж своё-то тело за прошедшие почти полвека он знал досконально. Но в целом он оценил новую оболочку на твёрдую пятёрку. И кожа — плотная, гладкая, шелковистая, словно детская.

Последним включилось зрение, и сразу резануло болью по нервам, словно пилой. Виктор плотно зажмурил глаза и вздохнул. Затем осторожно приоткрыл один глаз. Лучше не стало. Отвернулся от света и проморгался от слёз, потоком текущих из глаз. Сразу стало чуть лучше, но резь в глазах лишь снизила напряжение, став из невыносимой просто неприятной.

Опершись на правую руку, он перевернулся на бок и с трудом сел. Открывшееся ему зрелище более всего напоминало горячечный бред. Большая квадратная комната без окон, дверей, какой-либо мебели и без намёка даже на светильники, тем не менее была ярко освещена. Свет шёл отовсюду. И в этой комнате прямо на полу вповалку лежала целая куча голых мужчин.

«Если это — баня, то круто тут гуляли!» — промелькнула ехидная мысль. Но помещение не было похоже ни на баню, ни вообще ни на что ранее виденное.

Виктор пригляделся уже более внимательно: совершенно лысые парни, по виду лет

двадцати, спали как-то неправильно. То есть спали-то они так же, как спят все млекопитающие: ровное дыхание, наверняка — хотя он и не проверял! — замедлившийся пульс... Вот только не будет взрослый мужчина, подобно его соседу, во сне сосать, причмокивая, свой большой палец. И не станет, как лежавший совсем рядом, сворачиваться клубочком, словно малыш-трёхлетка. А кто-то и вовсе обделался, разлив под собой желтоватую лужу.

Неожиданно раздался резкий, какой-то свербящий звук. Он словно выворачивал наизнанку, царапая где-то внутри, чуть ли не в кишках. Виктор сморщился, помотал головой и подумал, что такой бы ревун, да на заставу — все бы просто взлетали!

Соседи пробуждались, мыча, хныкая и хватаясь за уши. И только сейчас Виктор заметил, что все люди, лежавшие в комнате, на одно лицо, словно братья-близнецы.

А ещё у всех присутствующих на левом предплечье оказалась что-то вроде татуировки или метки. Нечто странное и многоцветное.

Виктор посмотрел на свою руку и тоже увидел цветной рисунок. Девять разноцветных квадратиков и треугольничков, расположенных в три ряда и три колонки, образовывали один большой квадрат. Семь квадратиков: три синих, три черных и один — ярко-алый. И два треугольника такого же цвета. А вот у соседей почему-то преобладали зелёные и фиолетовые тона и кружочки.

Один из парней вдруг сморщился и захныкал. Как-то очень незащитно, совершенно по-детски. Так хнычет малыш, которому не дали досмотреть интересный сон. И тут же появился новый звук. На сей раз — явно механический.

Виктор обернулся и смог только тихо выматериться. По помещению двигался... двигалось... в общем, на трёх гусеницах ехал какой-то странный агрегат весьма необычных форм и размеров. Больше всего эта штукавина напоминала электрический утюг-переросток, установленный на резиновые гусеницы. Сходство усиливалось толстенным шлангом, торчащим сзади агрегата, словно хвост скорпиона. Если, конечно, это был зад.

Штуковина ехала по помещению, останавливаясь перед каждым из её обитателей, жужжала, манипулятор вынимал из собственных внутренностей тарелку, наполнял её чем-то вроде каши. Вот машина встала перед ним, мелькнули непонятно откуда взявшиеся гибкие манипуляторы... В руки ткнулась миска, в которой находилось... находилось... нечто. Плотная на вид масса серого с прозеленью цвета.

Ни ложки, ни вилки не полагалось, поэтому Виктор цепанул пальцем массу, понюхал... Запах отсутствует как класс. Попробовал. Вкус... в общем, вкус там же, где и запах. Но жевалось и глоталось легко, не вызывая никаких отрицательных ощущений.

Миску он очистил быстро и, прислушавшись к организму, с удивлением понял, что вполне сыт. Нормально наелся, хотя и не понял, чем. Виктор завертел головой: куда бы миску деть? Где тут бак или контейнер, или же мусоропровод? И тут...

— Э-э-э?... — только и смог выдавить из себя Виктор, глядя на тарелку, которая осыпалась тонким, словно пудра, порошком прямо в руках.

Через пару минут снова раздался резкий сигнал, и «утюг» вдруг встал вертикально, плоской стороной вперёд, и попер на парней. «Странно, — промелькнуло в голове, — гусеницы были под днищем, а теперь днище — передняя стенка, но гусеницы всё равно — внизу».

Тем временем утюг, вставший на дыбы, начал шлангами-манипуляторами активно подталкивать людей куда-то в ему одному известном направлении. Виктор не стал

дождаться, когда его толкнут, и первым пошёл в нужную сторону. Забавно! Он мог бы поклясться, что никакой двери там не было, а вдруг нарисовался проход в стене, а за ним коридор длиной метров десять.

Не успел он сделать и трёх шагов по коридору, как из стен ударили тугие пенные струи. От неожиданности хлебнул воды и закашлялся. Вода била со всех направлений. Вполне тёплая, и исходя из вкуса того, что попало в рот — с каким-то не то мылом, не то шампунем. Сзади тоже кашляли, чихали, и кто-то вдруг взвыл басом: «Ой, в глаза попало!..»

По мере продвижения по коридору вода меняла свой запах, вкус и даже цвет. А потом и вовсе кончилась. Теперь из стен бил тёплый воздух. «Сушилка, едрить твою...» — ворчливо произнёс он, но всё равно после мытья чувствовал себя гораздо лучше.

А ещё дальше оказался выход, освещённый ярким голубоватым светом, словно вёл на сцену.

К собственной нагоде Виктор относился со здоровым пофигизмом человека, который всю юность и зрелость провёл в спортивных залах с общим душем, и не комплексовал по этому поводу совершенно. Кроме того, его новое тело было куда более красиво, чем старое, и самое главное, что составляет гордость любого мужчины, имело довольно внушительные габариты. Так что в сияние светильников он вошёл мягко, словно в дозоре, и двинулся по подиуму. И яркость резко прибавили, так что снова заломило в глазах. Непроизвольно Виктор вздрогнул, но тут же взял себя в руки.

Проморгавшись после резкой смены освещения, он огляделся. Вокруг сидели и стояли человек двадцать мужчин и женщин, одетых в нечто свободное, разноцветное, похожее на римские тоги.

В этот момент в его голове зазвучал непонятный, какой-то нечеловеческий голос:

— Остановись! Остановись!

Виктор остановился.

— Шаг вправо! Шаг вправо!

Шагнул.

Один из сидевших в глубоких, с высокими подголовниками креслах, похожих на самолётные, неторопливо встал и подошёл к подиуму. Поднялся по лесенке и оказался прямо перед Виктором. Оглядел с ног до головы, взял за руку, посмотрел на разноцветную татуировку. Затем вытащил из сумки, висевшей на поясе, перехватывающем свободное одеяние, что-то отдалённо напоминающее пистолет. Виктор осторожно перенёс вес тела на одну ногу и приготовился к атаке. Но пистолет оказался каким-то непонятным прибором. Мужчина приложил «ствол» сперва к руке, потом сдвинул к плечу. После пистолет пропутешествовал по всему телу, оставив без внимания только голову да первичные половые признаки. На торце «пистолета», там, где должен быть курок, каждый раз разворачивался голографический экран. Что там появлялось, Виктор рассмотреть не мог. Впрочем, и так ясно: инфу считывает. «Параметры мои изучает. А как? И для чего?»

Мужчина убрал в сумку свой прибор и достал что-то вроде маленького планшета и ткнул пару раз в разноцветные кнопки.

Женский голос — приятный, бархатистый, соблазняющий — сообщил:

— Ши сора глат кахаси теи соран сога...

С удивлением Виктор вдруг осознал, что прекрасно понимает, что говорит механический голос.

— Новая версия матрицы «Охотник». Усиленный мышечный каркас позволяет клону

длительное время выдерживать высокие нагрузки, а модифицированная нервная система улучшает реакцию на пятьдесят процентов. Также для лучшей выживаемости изменению подверглись кости, сухожилия и все системы организма.

Голос затих и через секунду произнёс ровным безличным тоном:

— Хи аранго гошши тарай никоха. Хи аранго алас ташши...

— Семья Гошши предлагает три тысячи «никоха». Кто предложит больше?

Что такое «никоха», Виктору было неясно, но, впрочем, не так уж и важно. Понятно, что это — какая-то единица денег. Долларов, рублей, фунтов, юаней или что тут было в ходу.

Краем глаза он заметил, как женщина с горделивой осанкой и очень красивым, но неприятно ледяным лицом с тонкими губами, скользит пальцами по своему планшету.

— Семья Ариддо предлагает пять тысяч. Кто больше?

Первый покупатель ощерился, показав крепкие кипенно-белые зубы, и, глядя прямо в глаза горделивой красотке, нажал на кнопки и предложил шесть. Женщина вновь перебила цену. Шесть пятьсот. Семь. Семь пятьсот. Восемь...

На восьми тысячах никоха женщина чуть подалась вперёд:

— Ну и зачем тебе этот глат? — спросила она без всякой интонации. — Не всё ли тебе равно, кого посылать в море? Восемь пятьсот. Или ты так хочешь мне досадить?

— А тебе что, есть разница, кого гробить на арене? — спросил в ответ мужчина, сделавший первую ставку. — Девять!

— Какая у них нейроскорость? — снова спросила женщина.

— Триста восемь — верхний плечевой пояс. Двести восемьдесят один ильх — нижний. Спина-мозговая — триста ровно, — раздался голос ведущего торги. — Отличное приобретение для охоты и прочих работ, требующих хорошей реакции.

— Он будет знатным охотником на р'эц. Самую радужную шкуру я пошлю тебе, Лиар, — добавил он и со странным выражением на лице отвесил поклон.

— Спасибо, — все так же безразлично произнесла Лиар. — Я согласна, забирай этого. Но учти: больше я не уступлю тебе ни одного глата.

— А мне больше и не надо, — тот беззаботно махнул рукой, повернулся к Виктору и вытащил из своей сумы и протянул какой-то браслет. — Надень и иди рядом. Десяток цартов уже купили, теперь домой. Там — кормежка. А пока вот, — и он сунул в руку Виктору какой-то жёлто-оранжевый шарик на палочке, — аванс. Сегодня мы здорово разозлили эту полированную сучку, а это маленький праздник.

«Авансом» оказался большой леденцовый шарик на тонкой палочке. Довольно вкусный, с нежным ароматом не то манго, не то персика. Пока Виктор расправлялся с леденцом, Гошши выгнал из тесной комнаты десяток парней из другой партии, затем построил всех в колонну, поставив Виктора замыкающим:

— Смотри, охотник, — погрозил он пальцем. — Никто не должен отстать или потеряться. Понял?

— Ин оград, — с трудом вытолкнул из горла странные звуки Виктор. — Да, командир.

Плотной колонной они бодро прошли по причудливо изгибающимся коридорам, затем Гошши подошёл к здоровым двустворчатым дверям. Те распахнулись, и в глаза ударил яркий солнечный свет. Пахнуло свежестью, летним лугом, и Виктора затопило водопадом ярких красок и запахов. Небольшой лесок справа, красивые скалы слева, а впереди — мощённая ровными серыми плитами дорога. «Интересно, далеко нам идти?»

Всё так же маленьким табуном они проследовали на выход из помещения, и сразу на

Виктора накатило запах моря.

Здание торгового комплекса осталось за спиной, а впереди, насколько хватало взгляда, расстился сверкающий в лучах солнца океан.

До берега было всего метров триста, и было видно, что он весь заставлен лодками, кораблями и катерами всех цветов и размеров. От маленьких шарообразных модулей на одного человека до длинных и массивных судов длиной в половину километра.

Маленький низкий автобус, нанятый хозяином, подвёз их прямо к пирсу, где стояло узкое вытянутое и похожее на подводную лодку судно с огромным панорамным стеклом в носовой части, низкой и широкой рубкой и высоким, торчащим выше рубки, плавником горизонтальных рулей.

Корабль явно знал лучшие времена. Краска местами облупилась, и везде были видны небольшие вмятины и царапины. Но вместе с тем он производил впечатление вполне надёжного и крепкого, что пусть и немного, но успокоило Виктора, испытывающего большое недоверие ко всем водным видам транспорта.

При приближении Гошши внутри корабля что-то загудело, и в борту раскрылся широкий люк, откуда, словно веер, раскрылась лента трапа.

— По лестнице вниз, там пассажирский салон. Если кто что сломает, вычту из твоих, — хозяин жизнерадостно заржал, словно отпустил великолепную шутку, и Виктору пришлось снова поработать погонщиком.

И когда Виктор кивнул в ответ, подбадривая отстающих лёгкими тычками в указанном направлении, пробурчал себе под нос:

— Смотри-ка, каких делать стали. Прямо учить ничему не надо.

Гошши лично рассадил всех в узкие кресла, пристегнул каждого ремнями и хлопнул в ладоши, призывая к вниманию.

— Туалет там, — он показал пальцем на дверь. — Вода — здесь, — он показал на маленький питьевой фонтанчик. — Кому понадобилось пописать или попить, отстегнулся, встал, сделал свои дела, снова вернулся на место и пристегнулся. Понятно?

Все десять парней, очень похожих на армейских новобранцев, закивали лысыми головами, а Виктор сел на кресло, позволявшее контролировать весь салон, и тоже пристегнулся, полагая, что ремни на креслах тоже не просто так, а для чего-то всё-таки нужны.

Служба прогноза подтверждает высокую вероятность Волны в квадратах 55-128 Ламдоус, 91-834 Генха и 8365 Трисс в третью декаду второго месяца Сезона Ветров.

Корпорация Девео представила новейший гидрокостюм «Балахо-19». Костюм имеет мембранную структуру, позволяющую фильтровать кислород из воды, что на 40 % улучшает комфорт при длительном пребывании в воде и снижает общее потребление дыхательной смеси на пять процентов. Костюм доступен в сорока восьми цветовых решениях и двенадцати комплектациях, включая автодок, расширенный комплект датчиков и дополнительный тепловой слой.

Волна, захватившая четыре квадрата в секторе Генхар, вынесла корабль тяжёлого класса предположительно массой в триста тысяч тонн с живым экипажем. Несмотря на массовые разрушения корпуса, экипаж, состоявший из ксеносов «тип-889», оказался жив, и десятки вольных старателей стали жертвой охранных систем корабля и оружия экипажа.

Вызванная по тревоге частная военная компания оцепила район и приступила к зачистке территории.

Предположительно район проведения операции будет свободен для навигации через десять-двенадцать суток.

Внутренний контроль призывает всех находящихся в зоне поисковых и боевых действий соблюдать спокойствие и двигаться к точкам эвакуации по коридорам, обозначенным красными маяками и голосовыми командами на аварийных частотах.

Дорога была долгой. Окон в салоне не имелось, и Виктор мог судить об эволюциях яхты лишь по возникающим то и дело ускорениям. Вот они оторвались от пирса и развернулись, вот начали набирать скорость и, видимо, вышли из гавани, так как их довольно чувствительно затрясло на волне. А потом всё словно обрубил. У него создалось такое впечатление, что корабль действительно ушёл на глубину, так как вибрация и тряска сразу прекратились.

Через полчаса в салон зашёл Гошши и, с удовлетворением отметив порядок, снова исчез.

Прибыли часов через пять, когда все десять бойцов Виктора уже тихо посапывали в креслах.

Когда их, сонных и совершенно потерявших всякую ориентацию в пространстве и времени, вытолкали наружу, Виктор с удивлением обнаружил, что лодка находится у довольно большого «П»-образного причала в обширном помещении с рядами мясницких крюков слева и парой механизмов справа, похожих на промышленных роботов.

Гошши лично отвёл новеньких в жилую комнату и, буркнув что-то непонятное, исчез.

Спальня живо напомнила Виктору спальное помещение на его первой заставе. Небольшое помещение с серыми стенами. Койки в два ряда, только между ними стоят не тумбочки, а невысокие столики, типа прикроватных из спальных гарнитуров. Вся мебель совсем простая, из гнутого металла или металлизированного пластика.

А на кроватях лежала одежда! Виктор, вздохнув про себя: «Наконец-то!», подхватил стопку с приглянувшейся ему кровати. Детальный осмотр подтвердил: настоящая одежда. Правда, крайне примитивная. Штаны, а вернее — длинные трусы на широкой резинке, майка типа «футболка» и тапочки вроде тех, которые надевают дамы в бассейне. Только не резиновые, а сплетённые из чего-то вроде пластика. Он оглядел обувь и сделал неожиданное открытие: правая и левая тапочки не отличались друг от друга ничем. Совершенно! Всё равно, на какую ногу надеть. «Мило, — хмыкнул пограничник. — Идея, в принципе, неплоха: по тревоге натягивать быстрее. Но...»

Додумать, что именно «но», он не успел: рывкнул противный дребезжащий, до печёнок пробирающий звук, а затем механический голос сообщил:

— Одеваться и выходить в левую дверь! Одеваться и выходить в левую дверь!

Процесс одевания занял у Виктора буквально десяток секунд, и он бодро двинулся к двери, когда неожиданно заметил нечто, совершенно неправильное. Остановился, огляделся и нахмурился.

Десяток парней одевался медленно и крайне неумело. Трое напялили футболки явно задом наперёд, ещё четверо неуклюже возились с тапочками, постоянно дуя на придавленные упругими краями обуви пальцы ног, а ещё двое умудрились, натягивая штаны-трусы, сунуть обе ноги в одну штанину. Теперь один из этих убогих сидел на кровати и недоуменно озирался получившийся результат, а второй... Второй умудрился встать на ноги и даже попробовал шагнуть. С вполне предсказуемым исходом. Теперь этот сирота-недоумок лежал на полу и дёргался, точно раздавленный червяк. И над всем этим сумасшедшим домом надрывался невидимый динамик: «Одеваться и выходить в левую дверь! Одеваться и выходить в левую дверь!»

— Твою-то мать! — прошипел Виктор и принялся быстро, хотя и несколько брезгливо, приводить своих соседей в порядок.

Он рывком поднял главпридурка с пола, швырнул его на постель и содрал с него штаны:

— Надень нормально, дебил! — рыкнул пограничник и швырнул штаны в обалделую физиономию.

Тот начал что-то лепетать и захныкал, но Виктор уже не обращал на него внимания, переключившись на остальных. Второй идиот тоже лишился штанов, затем дошла очередь до неправильно напяливших футболки. Один из мужичков попытался сопротивляться, хныча какую-то бредятину про то, что он устал и хочет спать, да и вообще — ы-ы-ы-ы-ы!..

Пограничник попробовал вернуть плаксу в нормальное состояние пощёчиной, но, вместо того чтобы успокоиться, парень разразился оглушительным рёвом и принялся размазывать по лицу самые натуральные слёзы.

«Господи! Да кто они вообще такие?! — мысленно взвыл Виктор. — Они же как дети... Дети?!»

Эта мысль пронзила его точно электрическим током. «Постой, постой... — он напрягся, соображая. — А ведь когда-то очень давно — ещё в детстве, читал я какую-то книжку про то, как в некоей стране специально ускорили рост детей-сирот, чтобы потом использовать их в качестве солдат... или камикадзе? Точно, камикадзе, вернее, кукусуйтай или синье токкотай^[1]... Та-а-ак... И кого же из нас здесь делать собираются? Вернее, с кем воюем?»

Он, занимаясь с парнями, размышлял, раскладывая всё то немногое, что знал, по полочкам, а руки привычно и умело делали своё дело. В конце концов, ему не раз, не два и

даже не десять доводилось приводить в чувство и божеский вид сопляков-новобранцев. Если бы ещё не этот постоянный скрежет — «Одеваться и выходить в левую дверь!» — было бы совсем нормально.

Всё на свете имеет конец, закончился и этот бедлам. Виктор оглядел последнего одетого, остался доволен результатом, построил всех в колонну по два и вывел в указанную репродуктором, или что там у них, дверь.

Они оказались в большом помещении, обстановка которого оказалась ещё более спартанской, чем в спальне. Два десятка металлических стоек, с которых свисали какие-то провода, стояли плотно одна к другой вдоль стен, а в противоположной стене была видна небольшая дверь с большой ручкой.

Напротив двери на высокой тумбе сидел, уперев руки в колени, Гошши. Своей позой и некоторой небрежностью в одежде — широкий комбез без рукавов на голое тело — он напоминал незабвенного Доцента в блестящем исполнении Евгения Леонова. Сходство усиливали татуировки — весьма многочисленные. Хотя исполнены они были куда лучше, чем блатная роспись персонажа «Джентльменов удачи»: красивые, многоцветные и каким-то невероятным образом даже объёмные, словно бы голографические.

— Здорово, мясо! — радостно сообщил Гошши. — Сейчас посмотрим, стоит ли на вас тратить еду, или, может быть, сразу скормить Великому Океану?

С этими словами он встал со своего сиденья и двинулся к вошедшей колонне. Но хотя Виктор и стоял впереди, на него он не обратил никакого внимания. Ловко выхватив из команды одного из тех самых, которые умудрились неправильно надеть штаны, он потащил вяло упирающегося бедолагу к ближайшей металлической стойке.

Совершенно неожиданно пуфик оказался каким-то роботом, который приподнялся на своих четырёх резиновых или пластиковых гусеницах и шустро, но бесшумно покатил к той же стойке.

Что делал с этим человеком Гошши, Виктор разглядеть не сумел, как ни старался. Внезапно раздался какой-то резкий писк, переходящий в ультразвук, и человек, теперь закутанный во что-то полупрозрачное, вдруг взлетел вверх и завис ровно посередине между полом и потолком. Хозяин вновь уселся на своего робота-пуфика и принялся с жадным интересом наблюдать за тем, как испытуемый дёргается между небом и землёй.

Постепенно до Виктора дошло, что движения висящего становятся более осмысленными. Теперь он словно что-то рубил, но делал это будто в замедленной съёмке. Рубанув нечто видимое только ему, аккуратно собрал это в комок и стал укладывать. А потом ещё и ещё во всё ускоряющемся темпе.

— Неплохо, — каркнул Гошши и направился к колонне за следующим.

Пограничник следил за всем происходящим и пытался определить: к чему их всё-таки готовят? Прорыв противолодочных сетей? Преодоление боновых заграждений акватории военно-морской базы? Ну, ведь не взятие же вражеской субмарины на абордаж?!

Тем временем он остался один. Все остальные уже дёргались в воздухе, выполняя более-менее одинаковые движения. Гошши достал из кармана комбинезона небольшой футляр, вытащил из него нечто похожее на большие толстые очки, которые и водрузил себе на нос. И тут же сам зашевелил руками, словно бегая пальцами по невидимым клавишам. «Виртуальная клавиатура, — сообразил Виктор. — Ну, такое и у нас имеется, разве что труба пониже и дым пожиже...»

Подчиняясь командам, которые, по-видимому, отдавал Гошши, все испытуемые начали

действовать слаженно, словно бы все вместе не то убирали сахарный тростник, не то рубили просеку в джунглях. «Чёрт его разберёт, — задумался Виктор. — А может, и в самом деле — abordаж подводной лодки?»

Внезапно всех разом опустило на пол. Роботпупик заметался между людей, снимая с них это полупрозрачное нечто, а к Виктору подошёл Гошши:

— Отведи их в игровую, охотник, — велел он. — Отведи и возвращайся: проверим тебя и потренируем слегка.

— Игровая — это где? — деловито поинтересовался пограничник, отмечая, что испытанные ведут себя, словно дети, перекатавшиеся на карусели. Их качало, мотало, почти все охали, постанывали и уже привычно хныкали.

— За спальней следующая дверь, — бросил Гошши. — И поторопись: что мне, весь день здесь с вами возиться?

Виктор кое-как снова построил своих новобранцев в колонну и потащил их за собой. Дверь в игровую отыскалась сразу: это была единственная дверь, грубо размалёванная в разные цвета. «Словно психу дали разыграться с красками и малярной кистью», — машинально отметил Виктор и открыл разноцветный вход.

Внутренности игровой комнаты точно так же били по глазам ярким разноцветьем. Ни одной пары предметов одинакового цвета. Стулья полосатые, в крапинку, в клеточку. Огромная рама экрана, должно быть — телевизор. Какие-то экранчики поменьше, а перед ними — джойстики, словно от игровой приставки. Кубики из пластика, кубики из резины, каких-то удивительных и даже диких форм куклы.

Справившись с первым впечатлением, он оглянулся на своих подопечных. И вот тут он окончательно убедился в том, что перед ним — дети. Выглядят как взрослые, но это — дети. Только у детей могут быть такие лица, на которых написан восторг, сплошное счастье от исполнения извечной детской мечты: попасть в игрушечный рай.

Телевизор неожиданно заработал, и на экране появились герои, чем-то отдалённо напоминающие пару раз виденных Симпсонов. Только вели они себя, скорее, как волк и заяц из «Ну, погоди!».

— Сидите и развлекайтесь, — махнул рукой Виктор.

Оставив великовозрастных малышей развлекаться и наслаждаться жизнью, он поспешил в тренировочный зал — опыт старого служаки подсказывал: вышестоящее начальство, оставленное в раздражённом состоянии, не стоит раздражать дополнительно. Ибо кого назначат козлом отпущения? Риторический вопрос.

В «тренажёрку» он практически вбежал и, точно медведь на рогатину, налетел на уважительно-удивлённые глаза Гошши.

— Однако, — хмыкнул он и посмотрел на браслет, на котором на экранчике высвечивалось время. — Полторы минуты — рекорд! — Гошши между тем продолжал удивляться: — Я так понимаю, что ты даже мультфильм не остался смотреть? А что так? У тебя программа искажена?

«Вот только мне не хватало, чтобы ты сейчас в моих мозгах копать начал», — подумал Виктор, а вслух отчеканил, точно отдавая рапорт:

— Мне не интересно. Там про охоту ничего нет.

«Большой босс» аж языком прицыкнул от удивления и удовольствия:

— Ка-акой роскошный экземпляр! Ну, пойдём, покажем тебе охоту...

Возле металлической стойки Гошши поставил его почти по стойке смирно, велел

развести руки в стороны. Пуфик бодро зажуужал, высунул гибкие манипуляторы, и Виктор почувствовал, как его тело окутывает нечто. Нечто оказалось то ли комбинезоном, то ли коконом... «То ли вообще — ОЗК, только прозрачный, — мрачно подумал пограничник. — Или изолирующий противогаз... возможно — акваланг».

Нечто охватило и голову, включая лицо, и внезапно окружающий мир резко изменился. Только что это был тренажёрный зал, но теперь перед глазами Виктора расстилался океан. Причём не поверхность, отнюдь. Виктор оказался на глубине, по его прикидкам — метров тридцать. И, что удивительно, океан не только виделся, но и ощущался. Пограничник чувствовал, как струи воды мягко обтекают его тело, как вязко сопротивляется среда его движениям. А потом ощутилась ещё и тяжесть в правой руке.

Виктор чуть повернул голову. Ого! В руке оказалось что-то, по виду — оружие. Впрочем, это совершенно точно — оружие! От него исходили сила и уверенность, которые всегда даёт спрессованная, сжатая точно пружина вражеская смерть...

Он поднял оружие, поднёс к глазам. Внимательно изучил свой новый «ствол», подумал и обозначил его как «карабин». Он и действительно походил на карабин: не очень длинный, прикладистый, рукоятка управления огнём удивительно удобно ложилась в ладонь.

«Та-а-ак... А сколько у нас имеется зарядов? Ага, вот это — точно индикация наполненности магазина, — он пристально осмотрел четыре прозрачных глазка на том, что определил как магазин. — Двадцать зарядов. Ну, поплывём, поищем врагов...»

Однако, прежде чем двинуться вперёд — туда, где высились какие-то подводные скалы — он внимательно обследовал всё своё снаряжение. Обнаружил два ножа: один длиной сантиметров двадцать в ножнах, пристёгнутых к правой ноге, а второй — почти полуметровый тесак — у пояса. Ножи были несколько непривычные, а когда извлёк тот, что висел на поясе, и поднёс к лицу, уловил тонкий, на грани слышимости, свист. Сосредоточился на собственных ощущениях и понял: вибронож.

«Неплохо!»

На левой руке имелся браслет с глубиномером, часами, индикаторами наполненности баллонов акваланга и трёхкоординатным навигатором. На правой — такой же браслет, но с коммуникатором — что-то вроде радиотелефона, и клавишей, разворачивавшей голоэкранный физический экран параметров: давление, пульс, сердечный ритм, что-то ещё...

«Достаточно для боя... или для охоты? Хотя, если мы — диверсанты, то это — та же охота... Эх! И предлагали же мне пойти в боевые пловцы...»

Он двинулся вперёд, забирая чуть в глубину. Вот и скалы. Виктор проверил скорость, с которой он вскидывал карабин, — вода всё-таки не воздух, сопротивление среды намного выше. Скорость оказалась ниже, чем на воздухе, но пограничник остался удовлетворён: «Сойдёт».

Он начал осторожно забирать вправо, и тут на него молнией ринулось какое-то веретенообразное тело. Виктор извернулся, словно кошка, чтобы встретить опасность лицом, вскинул оружие к плечу и, поймав нападающего в прицел, нажал спусковую клавишу, но ни толчка отдачи, ни вспышки, ни грохота выстрела не последовало. Однако живое веретено резко дёрнулось, потом как-то странно вспухло, раздулось, затем обмякло и стало медленно опускаться в глубину.

— Э-э, нет, так не пойдёт! — сообщил в никуда Виктор и нырнул следом за добычей.

Как оказалось — исключительно вовремя. Прямо над ним промелькнуло второе такое же существо. Карабин снова у плеча, и двойной выстрел вдогон. Теперь Виктор сумел

заметить, что в момент выстрела вокруг дульного среза появляется какое-то слабое голубовато-белое свечение. Второй хищник присоединился к первому, и их души вдвоём бодро отправились в страну счастливой охоты.

Пограничник догнал вторую тушу и принялся за изучение неудачливого зверя. «Удивительное создание! Головы нет, во всяком случае — не видно. Глаз не наблюдается, ушей — тоже... Интересно, есть у него пасть?.. А жопа?.. Тоже нет? Как же ты живёшь-то, бедненький?..»

Браслет-коммуникатор ожил, замигал и закурлыкал. Виктор поднёс его к лицу и ответил, с трудом подавив инстинктивную потребность отрапортовать: «Полковник Афанасьев...».

— Я!

— Охотник, — захрипел голос Гошши, — брось энцитеров. Действуй дальше.

— Есть! — привычно бухнул Виктор.

Осёкся, испугавшись, что выдал себя, но тут же успокоился. «Подумаешь, ответил по уставу. Откуда Гошши может знать ТОТ САМЫЙ устав?»

Подумав так, Афанасьев ушёл ещё метров на пять глубже, завис и огляделся. В тени от ближайшей скалы ему почудилось какое-то шевеление.

«А кто это у нас там? Цып-цып-цып-цып...»

«Цыпа» оказалась здоровенной и похожей на огромную анаконду. Длинное тело в радужно-переливающейся шкуре скользило рядом, и в какой-то момент голова метнулась к Виктору, но тот вовремя отпрянул и выстрелил в голову. Эффект превзошёл его ожидания: обезглавленное тело задёргалось, словно под действием электричества, но быстро обмякло и стало погружаться вниз.

Виктор решил рассмотреть это чудище поближе, но тут мир снова мигнул, и вот — он уже стоит перед Гошши, а робот-пуфик деловито освобождает его от полупрозрачного одеяния.

— Ха! — Гошши хлопнул его по плечу. — Отлично, дружок, отлично! Полчаса — и на выходе два энцитера и отличный р'эц. Ты и впрямь стоишь тех денег, что я за тебя отвалил! На-ка вот, — в руке Афанасьева снова оказался леденец, на сей раз пронзительно-красного цвета. — Заслужил, дружок, заслужил... Кстати, запомни: теперь тебя зовут Дружок. Понял?

Виктору оставалось только кивнуть. «Интересно, а будка у меня своя будет?» — подумал он невесело. Он наконец понял: никакие они не диверсанты и не солдаты. Тот десяток — рабочая скотина, что-то вроде осликов или мулов, а он — охотничья собака.

С того момента, как Афанасьев оказался на подводной ферме, прошёл месяц. Сегодня ему выпала лёгкая работа: охранять «рабочую скотину» на плантации. Здесь росли водоросли — хотя, может быть, и не водоросли — под названием сахха. Эти сахха имели колоссальную ценность: из них добывали препарат, продлевающий человеческую жизнь в разы, а то и на порядки. Препарат именовался «ойхор» и стоил столько, что его могли себе позволить лишь весьма обеспеченные люди. На одну дозу лекарства уходило до тонны свежих водорослей, но это не останавливало желающих помолодеть.

Кроме выращивания и сбора водорослей, Гошши активно занимался охотой и прочим собирательством, напоминая какого-то поселенца на Диком Западе: немного фермер, немного охотник, немного — всё остальное. «И швец, и жнец, и на дуде игрец», — хмыкнул Афанасьев. В целом Гошши был неплохим хозяином. Слегка образованным, много знающим

о жизни океана, довольно весёлым и не злым. Виктор мог бы стать ему хорошим помощником, если бы не одно «но»: Гошши искренне считал пограничника своей охотничьей собакой. То есть, разумеется, не собакой, но существом, по уровню развития от этой собаки практически не отличающимся.

Кроме «собаки» Виктора, у Гошши имелся ещё один «пёс»: угрюмого вида детина по кличке Сед. В его буйной шевелюре действительно проблёскивала седина. Сед жил у Гошши уже давно — года четыре как минимум. Впрочем, сам Сед таких подробностей не помнил, а если и помнил, то никому ничего не рассказывал.

Вчера Гошши ходил, а вернее — плавал на охоту с Виктором, сегодня — с Седом. А пограничник остался охранять плантацию.

Вода плавно обтекала крошечную подводную лодку — вернее, скутер, похожий на торпеду, с прозрачным обтекателем над пилотским местом. На нём Виктор патрулировал зону добычи, ощущая себя кем-то вроде лётчика-истребителя времён Второй мировой войны. Внизу вовсю трудились сборщики, отрезая острейшими словно скальпель ножами стебли саххи на высоте груди и осторожно, чтобы не помять, складывая их в мешок, который волочился на тонком тросе, пристёгнутом к ремню.

Работа была и тяжёлой, и опасной. В местном море водилось огромное количество агрессивных созданий, очень уважавших человеческое мясо и признававших лишь авторитет силы. А вот с этим всё было нерадостно.

Под брюхом «Шайра-100» — так называлась его подлодка — располагался блок из шести неуправляемых ракет и что-то вроде пулемёта, стрелявшего длинными тяжёлыми стрелами. Ну и в качестве последнего аргумента Афанасьев мог использовать длинный нос самого «Шайра», который, наподобие знаменитого «Наутилуса» капитана Немо, был снабжён длинным острым бивнем, на котором находилась трёхлопастная фреза.

Самыми частыми гостями были похожие на мурен подводные змеи, беззвучно вылетающие из водорослей и атаковавшие рабочих.

Подумав о муренах, он внимательно огляделся. Нет, слава богу, чисто. Где-то очень далеко мелькает огонёк, но что это — поисковый модуль или местный вариант удильщика? — определить не представляется возможным. Впрочем, удильщик-то как раз практически безопасен: медлителен и трусоват. Сам на человека никогда не нападёт, если, конечно, не попытаешься погладить его по спине или подёргать за «удочку».

Вот и плантация. «Работай, негр, работай! Солнце ещё высоко, до полудня ещё далеко...» Вспомнив эту детскую шутку, Виктор непроизвольно улыбнулся. Правда, улыбка получилась какой-то невесёлой: как-то ни в детстве, ни после он не представлял себе, насколько эта шутка может оказаться близкой к действительности.

Краем глаза Афанасьев заметил, что слева водоросли шевельнулись как-то неправильно. Скорее всего, это — результат непредсказуемых водяных течений и завихрений, но...

— Бережёного бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт, — сообщил самому себе Виктор и направил «Шайра» вниз, к эпицентру непонятного шевеления.

Он пристально вглядывался в голубоватую муть, но ничего не увидел. Хмыкнув, он повернул назад, и тут же прямо под ним мелькнула вытянутая тень.

Прицелиться из «пулемёта» Виктор уже не успевал, а потому, оттолкнувшись ногами от скутера, извернулся и приблизился к нападавшему хищнику сверху. Тонко засвистел выхваченный из ножен вибронож, и лезвие мягко вошло в упругую плоть, вспарывая ската от «носа до кормы». Тот по инерции ещё проскочил несколько метров, потом резко изогнулся,

выталкивая из себя внутренности. Видимость резко упала: от мёртвого хищника взметнулось облако бурой крови. Но даже сквозь эту муть Афанасьев сумел разглядеть следующего. Виктор извернулся и снова ударил ножом, постаравшись расширить рану секущим движением.

На этот раз удар не был столь сокрушительным. Тонко свистящее лезвие лишь нанесло короткую рану в боку зверя. Почувствовав боль, тот свернулся кольцом и ударил выскочившим из передней части тела ядовитым жалом. Оно мелькнуло буквально в миллиметрах от лица, пограничник откинулся спиной назад и врезал по остроголовому тулову ребром лапы снизу вверх. В отличие от рабочих, охотничьи лапы изготавливались из более жёсткого и прочного материала с остро отточенными внешними краями, так что последствия удара оказались для хищника весьма серьёзными. Энцитар заизвивался, точно раздавленный червяк. Должно быть, последним ударом Афанасьев повредил его рецепторы, чутко реагирующие на малейшие движения воды, поэтому хищник принялся с частотой хорошей швейной машинки бить вслепую своим жалом.

Пограничник отплыл подальше от издыхающего зверя, но продолжал внимательно следить за ним: ядовитые железы энцитаров ценились дорого, так что терять их недопустимо. Да и мясом хищников пренебрегать не стоит: плотное, оно по вкусу напоминало тунца. Гошши, как делают почти все собачники, пару раз угощал своих «собак» едой со своего стола, так что Виктор пробовал и энцитар, и хищную актинию, и муреноподобную змею-хтею. Последняя очень походила на жареную курицу, разве что чуть пахла рыбой и водорослями.

Энцитар тем временем окончательно успокоился, и пограничник двинулся к телу, чтобы вырезать железы. Их следовало уложить в специальный контейнер на боку «Шайра», а потом залить туда же жидкость-консервант. С мясом проще: приложил к туше шарик, нажал на едва заметную выпуклость-шишечку, и шарик, автоматически заключая тушу в себя, мгновенно развернётся в мягкий мешок, на одном конце которого имеется даже буксировочный конец. Крепи к «Шайру» и — вперёд! Мощности скутера хватит на то, чтобы буксировать добрый десяток энцитаров, да ещё и на пару-другую крупных, радужношкурных р'эцов останется.

Он подплыл к своей добыче и примерился половчее вырезать железы, когда по телу казавшегося мёртвым энцитаря внезапно прошла судорога, и острое жало-хвост ударило Виктора в запястье. Пограничник отдёргнул руку, но было поздно: жало вдрызг разнесло правый браслет.

— А, ч-чёрт! — процедил Афанасьев сквозь зубы. — Без связи остался, мать его так!

Он стянул с руки остатки браслета, осмотрел его и убедился в правоте своего предположения. Браслет — а, собственно, уже и не браслет, а две его половинки, не подавал никаких признаков жизни. «Ну и хрен с ним, — подумал Виктор. — В конце концов, связь мне не так уж и необходима: большой транспорт придёт сам, а работаю я и без связи туда загрузить смогу. Обойдётся».

Афанасьев занялся потрошением добычи. Аккуратно вырезал железы сперва у одного, а потом и у второго хищника, уложил добычу в контейнер, принайтовал упакованные туши к «Шайру» и снова занялся патрулированием. Браслет недорогой, это он уже знал, и стоимость добычи превышает его раз в сто. С лихвой! Так что у Гошши не будет причин расстраиваться...

По-хорошему говоря, ему следовало плюнуть на работу и отправляться на ферму одному, на «Шайре». Гошши проглотит и это: он один стоит больше, чем вся рабочая

бригада. Плюс — добыча, которая легко покроет стоимость всех двух десятков рабочих. Но бросить этих великовозрастных детей Виктор просто не мог. Ну, не по-человечески это, не по-мужски — оставить практически беззащитных идиотов на растерзание местным хищникам. Ведь мурены приплывут, и всем — хана! А он вполне может продержаться, тем более что и времени до конца смены осталось уже немного.

И вот тут пограничник внезапно вздрогнул: по спине пробежал тревожный холодок предчувствия. Такой же холодок пробегал тогда, в другое время и в другой жизни, когда мангруппа тогда ещё капитана Афанасьева могла забрести в ловушку или наткнуться на ожесточённое сопротивление.

Он бросил скутер в крутой вираж и сразу же увидел целую стаю энцитеров, которые боевым клином заходили на плантацию, точно «юнkersы-лаптёжники» в старой кинохронике.

Афанасьев дал полный ход турбине, бросая «Шайра» вперёд и одновременно выстрелив двухракетным залпом. И тут же выматерил себя последними словами: впопыхах он нажал не на те гашетки, и по хищникам ударили НУРСы с ультразвуковыми отпугивающими головками. Они хорошо выполнили бы свою работу, будь нападающих энцитеров два. Ну, три. Ну, в крайнем случае — четыре, но и тут уже имелась вполне серьёзная возможность того, что один из хищников прорвётся. А стая из почти двух десятков экземпляров даже и не заметила ультразвукового удара. Вернее, заметила, но от этого стало ещё хуже: хищники разошлись, охватывая плантацию широким полукругом.

— А-а-а, сука! — раненым медведем взревел Виктор, задирая нос «Шайра» и всаживая в правый фланг атакующих длинную очередь из пулемёта.

Пять энцитеров отправились в страну счастливой охоты, ещё двое, получив серьёзные ранения, забились в конвульсиях. Но пограничнику некогда было любоваться результатами дела рук своих. Глубокий вираж со снижением, и он оказался чуть позади кинувшейся в атаку стаи. Снова длинная очередь пулемёта, и оружие внезапно захлебнулось и смолкло. Афанасьев покрылся холодным потом: чёртов Гошши не учил своих «собак» ухаживать за оружием, а у самого пограничника просто не хватило знаний, да и времени, чтобы как следует разобраться с бортовым оружием микросубмарины.

Ракетами стрелять было уже поздно: шрапнель неминуемо заденет сборщиков, а некоторые из них настолько тупые, что даже не сообразят рукой зажать пробойну костюма. «Шайр» ринулся вперёд, и ещё один энцитер получил острым носом смертельную «пробойну». Но оставались ещё двое. Виктор тихим незлым словом помянул мать и бабушек Гошши, энцитеров, а также всех сотрудников фабрики клонов, выпустивших в жизнь таких талантливых работяг, оттолкнулся от скутера и кинулся в драку.

Первого он атаковал сверху, снова распоров зверя по всей длине. Развернулся, уходя от удара второго, выполнив практически мёртвую петлю, и ткнул его ножом. Резко ушёл вниз, спасаясь от одуревшего жала, и вдруг почувствовал сильный удар в левую руку. Афанасьев развернулся и взмахом ножа перерубил жало, и тут только ощутил боль. Она была чудовищной, оглушительной, ослепляющей. Кое-как Виктор вырвал из руки жало-хоботок, через который скат впрыскивает в жертву парализующий яд вместе с желудочным соком, и лихорадочно огляделся. Хищников больше не осталось. Пёс выполнил свою задачу, защитив доверенное ему стадо.

Почти теряя сознание, он медленно доплыл до своего «Шайра», сорвал с борта длинный буксировочный конец, отхватил кусок ножом и перетянул себе руку выше локтя. Затем вкатил

себе две ампулы с антидотом и три — с тонизирующим средством. Обезболивающего в его распоряжении не имелось: препарат с непроизносимым названием подобно земному промедолу обладал наркотическим действием, и хозяин не давал его своим «собакам», опасаясь, что те превратятся в наркоманов.

В подобной ситуации следовало немедленно вызвать Гошши и транспорт для срочной эвакуации. Но браслет-коммуникатор приказал долго жить, а часы на левом браслете бесстрастно сообщили, что до конца смены осталось ещё полтора часа. Чтобы как-то забыть о боли, Виктор принялся за обработку добычи. Механически нырял, вырезал драгоценные железы и собирал их в контейнер. Скрипя зубами от боли, упаковывал туши и крепил их к «Шайру».

У него уже темнело в глазах, когда наконец прибыл транспортный «Торвар». Пинками загнал рабочих внутрь, затем попытался пристыковать скутер к субмарине. Тщетно! Для такого манёвра требовались обе руки, а левая уже совсем не повиновалась.

Виктор зарычал от боли и бессилия, потом кое-как закрепил буксирный конец своего «Шайра» на корпусе «Торвара». Прикинул и понял: сил влезть внутрь субмарины уже не оставалось: в голове мерно бил колокол, в глазах плясали огненные точки, словно знаки Зодиака устроили бал.

Он тяжело забрался на сиденье скутера, кое-как пристегнулся и потерял сознание. Когда очнулся, оказалось, что они уже плывут. «Торвар», не дождавшись каких-либо команд, просто развернулся и пошёл назад ровно по тому же пути, по которому прибыл на плантацию. Осознав этот факт, Афанасьев снова провалился в забытье.

В следующий раз он пришёл в себя уже в шлюзовой камере фермы. «Торвар» был пуст, над входным люком призывно мигал зелёный огонёк.

Виктор попытался встать и слезть с «Шайра», но не смог. Левая рука уже не только не слушалась, но и не ощущалась. Совершенно. Правая же ослабла настолько, что пальцы бестолково скользили по поручням, но никак не хотели сжиматься. Застонав от злости на своё бессилие, он опёрся локтём и, прохрипев отчаянное «б...!», с трудом перевалился через борт. Левая нога зацепилась за что-то, Виктор упёрся правой ногой в борт и рванулся...

Как он не оторвал себе левую стопу, Афанасьев так и не понял. Ногу дёрнуло такой болью, что на лбу выступил пот. Казалось, что связки просто раздираются на части. Но он бился и бился с тупым упорством безмозглого насекомого, и наконец оказался на свободе.

Тяжело, мешком, он плюхнулся в воду, и от утопления его спасло лишь то, что снять защитный костюм он попросту забыл. Медленно и неуклюже, точно пьяный удав, он выполз на металлическую дорожку вдоль шлюзового бассейна.

В ушах били молоты, сердце бухало в грудную клетку, словно пыталось вырваться наружу. Виктор попробовал подняться и не смог. «Ну и х... с ним, — подумал пограничник, — поползу так. Меньше шансов, что навернусь обратно в воду».

Он полз на четвереньках, иногда падая на пол плашмя. Снова поднимался и упрямо, точно лётчик Маресьев, тянул вперёд непослушное тело.

В коридоре Афанасьев рискнул встать. Осторожно, по стенке, вполз вверх, и некоторое время просто стоял в вертикальном положении. Дышал он точно загнанная лошадь, а во рту явственно чувствовался вкус крови. Виктор провёл по губам языком и обнаружил, что нижнюю он прокусил.

— Что с тобой?

Встревоженный женский голос пробился к Афанасьеву словно сквозь плотную вату:

— Что с тобой?! Что случилось?!!

— Э-э...

«Кто это? Кто меня зовёт? Жена? А разве у меня есть жена? Мама? Но мама ведь умерла...» — заметались в мозгу обрывочные мысли.

Тонкая, но сильная рука взяла Виктора за левое запястье, и он взвыл от непереносимой боли. Прямо перед глазами возникло встревоженное лицо Мийры — жены Гошши:

— Тебя ранило? Кто?!

Афанасьев попытался ответить, что его ударил в руку энцитер, но язык, превратившийся в распухший комок, отказался повиноваться. Он с огромным трудом показал правой рукой на место ранения, затем вяло махнул назад. От этого движения Виктор потерял равновесие и грянулся на пол. Боль затопила сознание, и он выпал из окружающей действительности...

Пришёл в себя он в медицинском блоке. Над ним колдовал робот-медик, а рядом сидела Мийра и внимательно его разглядывала. Заметив, что Афанасьев открыл глаза, она подалась к нему:

— Что произошло? Как вышло, что ты один поубивал столько энцитеров? И почему ты ничего никому не сообщил? — спросила она.

Виктор удивился: в голосе женщины — изумительно красивой женщины, кстати! — слышался настоящий интерес. «Странно, она меня что, считает не собакой, а человеком?»

Он как мог покороче описал всё произошедшее. Мийра сидела, вся обратившись в слух. И лишь когда пограничник закончил свой рассказ, спросила:

— А почему ты не вернулся один?

Виктору вдруг стало как-то все равно, что будет дальше, и он бухнул:

— Неохота было сволочью себя чувствовать!

— Кем? — она не поняла слова, но по интонации догадалась о значении этого ругательства. Помолчала и спросила: — Ты пожалел цартов? Не хотел допустить их смерти?

Пограничник промолчал.

— Скажи мне, как тебя зовут?

Афанасьев удивился:

— Ваш муж, госпожа Мийра, сказал мне, что меня зовут Дружок.

— А на самом деле?

Мужчина и женщина молчали долго. Очень долго.

— Муж глуп. Знаешь, если бы я давала тебе имя, я назвала бы тебя «Защитник», — наконец медленно произнесла Мийра. — Или «Воин». Или «Победитель».

При последних словах Виктор усмехнулся. «Баба сердцем видит», — вспомнились ему слова артиста Джигарханяна из фильма «Место встречи изменить нельзя». Вот так походя, взяла и угадала.

Внезапно женщина положила ему на лоб свою точёную идеальной формы руку:

— Поправляйся, Победитель, — сказала она и ласково погладила его по щеке. — Поправляйся...

Гошши возвращался с охоты раздосадованным: весь день они с Седом тщетно искали р'эцов, но так ни одного и не встретили. И никакой заслуживающей внимания дичи — тоже. Создавалось впечатление, что вся живность просто попряталась, каким-то чудесным образом заранее узнав о его приближении.

Гошши завёл «Шайр-500» в плюзовую отсек. Ему показалось, что люк открывается

слишком медленно, и он в раздражении заколотил в него ногой. Сед безучастно стоял за спиной хозяина: лично он сделал всё, что от него зависело. А огорчаться от отсутствия добычи он разучился уже давно. Впрочем, как и радоваться ее изобилию.

Наконец люк открылся, Гошши вышел на лёгкую металлическую пристань. И замер в немом изумлении.

Вся пристань была завалена тушами энцитеров. Одну из них деловито потрошили два домашних робота-заготовщика, и в воздухе висел лёгкий красноватый туман, поднятый вращающимися с бешеной скоростью дисковыми ножами. Вырезанные куски роботы захватывали вакуумными присосками и отправляли их в контейнеры-холодильники, находившиеся у них сзади.

— Мийра! — рявкнул Гошши, когда первое впечатление прошло. — Мийра! Сколько раз я должен повторять тебе: не смей охотиться в одиночку! Во-первых, ты не слишком хорошо стреляешь, во-вторых, без охотника-глата охотиться нельзя даже по технике безопасности, а в-третьих...

— А в-третьих, я не охотилась, — сообщила Мийра по интеркому. — Эту добычу набил наш новый...

Тут она замолчала, словно вспоминая кличку глата, но, видимо, так и не вспомнила, и потому Гошши заговорил снова:

— Дружок? Но он не мог охотиться: он сегодня охранял плантацию. Или этот негодяй все бросил и принялся гоняться за энцитерами?! Ну, я ему задам!..

И с этими словами он решительно направился к выходу из шлюзовой камеры, но в дверях столкнулся со спешащей ему навстречу Мийрой.

— Он не охотился, — сказала Мийра. — Он охранял. Просто сегодня энцитеры почему-то сбились в стаю и напали на цартов. Он перебил всех, но сам был ранен... — подумала и добавила: — Очень серьёзно ранен. И несмотря на это, собрал всю добычу и не потерял никого из бригады.

— Ха! — осклабился Гошши и приосанился. — А кто-то мне говорил, что я переплатил за этого глата. У меня глаз верный: всегда могу вычислить лучшего из партии! — тут до него окончательно дошло, и он заинтересованно уставился на жену: — А какого харма он ничего не сообщил ни тебе, ни мне? Это что — жажда охоты возобладала? Решил всё сам сделать? Ну, молодец! Ах, какой же молодчага! Вот же научились делать: чистый охотник, не то что этот рохля, — он обернулся и ткнул Седа в плечо. — Да, а как он сейчас? — спросил Гошши озабоченно.

Мийра собиралась сказать мужу, что новый глат лишился связи и не захотел бросить цартов на произвол судьбы, но промолчала. Муж всё равно не поймёт. Может быть, здесь — на Океане — этого вообще никто не поймёт.

Ежегодный Бал Старых Семей состоится на родовом острове семьи Аргаш в первой декаде четвёртого месяца. Праздник, прозванный Балом Дебютанток, обещает стать настоящим событием сезона из-за большого количества юных принцесс, достигших в этом году возраста совершеннолетия. Зан Тураны привезут очаровательных близняшек Тойю и Майлу, а семья зан Коорт наконец-то покажет так долго скрываемую от публики юную Наиси, которая обещает стать звездой этого сезона.

Кроме того, распорядители пообещали присутствие Президента Республики Гайю зан Белт и много разных сюрпризов для публики.

Не пропустите прямую трансляцию. Наши камеры покажут всё великолепие праздника, а за дополнительную плату вы сможете подключиться к голопроекции.

В новом сезоне программы «Погружение»

Сравниваем подлодки лёгкого класса. Что лучше, проверенный временем «Шайр-500» или новички — «Дабар-Гепис» и «Колгар-ДВ»?

Новые привода от компании «Руат». Лёгкие, надёжные и мощные.

Нелёгкий выбор между линейным соплом, канальным водомётом и традиционным винтом. Тест на больших глубинах.

Лодка-комби. Трёхсредная лодка — мечта охотника. Воздух, поверхность и глубина покоряются технике. Репортаж с верфей «Гаргоус».

Виктор провалялся в медблоке восемь дней. Собственно, он, если верить собственным ощущениям, мог бы выйти и раньше, но Мийра неожиданно воспротивилась и потребовала, чтобы Афанасьев оставался под присмотром медицинских систем до тех пор, пока все его показатели не придут в норму. А спорить с хозяйкой осмеливался только сам Гошши, и то не всегда.

Но всему на свете приходит конец, и Виктор вышел «на свободу». И тут же угодил в руки Мийры.

— Здравствуй, Победитель, — кивнула ему красавица. — А я как раз хотела узнать: не поможешь ли ты мне разобраться в ванной комнате?

— Разобраться? — переспросил пограничник, разом посмурнев.

Разбираться где бы то ни было он решительно не хотел. И не любил. Всё всегда должно лежать, стоять, висеть на своём месте, и лучше поддерживать этот порядок постоянно, чем периодически устраивать аврал и «разбираться».

Но тем не менее он покорно пошёл следом за хозяйкой. И неожиданно выяснил, что госпожа Мийра ухитрилась своей изящной точёной ручкой своротить пульт управления ванной. Хозяйская ванна напоминала виденные им в той, другой жизни, джакузи, разве что габариты куда как крупнее, да кроме массажа пузырьками и струями имелись ещё и другие варианты: из днища и стенок ванны выдвигались манипуляторы с массажными насадками. И вот блок управления этим чудом теперь валялся на полу, печально раскинув во все стороны выданные с корнем провода...

— Муж будет очень сердиться, — как-то виновато произнесла Мийра. — Транспортировка этого чуда на нашу ферму стоила уйму денег, а я... — и, не dokonчив, она печально улыбнулась.

Установить блок на место не составило большого труда. Зачистить ножом и соединить скрутками все провода, заизолировать соединения поданным Мийрой быстросохнущим аэрозолем диэлектрика. Виктор смазал задний торец коробки клеем и прижал его к наружной стенке ванной.

— Вот и все, госпожа, — сообщил он, вставая. — Пять минут посохнет — и порядок!

— Спасибо, Победитель, — сказала Мийра и неожиданно ласково провела ладонью по его щеке. — Ты очень много умеешь... Пойдём, я тебя накормлю.

Она провела пограничника в столовую, усадила за стол и вызвала робота-дворецкого. Набрала на его верхней панели программу, затем откинулась на спинку своего стула:

— Что ты любишь кроме охоты, Победитель? — спросила она, полуприкрыв глаза и глядя на Виктора сквозь длинные ресницы.

Афанасьев насторожился: как-то эти вопросы очень уж... не того... «Колет она меня, что ли? Здорово похоже...»

— Охоту, — ответил он, стараясь уловить реакцию собеседницы. — Бой... сражаться... — Подумал и добавил: — Оружие...

Мийра кивнула, но как-то отстранённо, словно ожидая услышать именно это.

— А к самкам не тянет? — она неожиданно изогнулась на стуле так, что казалось, будто её высокая грудь сейчас прорвёт одежду. Мийра чуть провела языком по красным губам и повторила: — Не тянет?

Виктор напрягся. Да, чёрт возьми, его тянуло к «самкам». Правда, началось это совсем недавно, можно сказать, только что. И потянуло его не к женщинам вообще, а к этой, вполне конкретной. Мийра была изумительно хорошо сложена и, кроме внушительной груди, имела тонкую талию и пару стройных ног. Но кроме этого, женщина двигалась так пластично и грациозно, словно всю жизнь посвятила танцам или боевым искусствам. И с некоторых пор Виктора очень сильно тянуло именно к ней, хозяйке фермы.

Тем не менее он ответил:

— Когда охотишься, госпожа Мийра, обычно невозможно определить: самец перед тобой или самка.

— Об этом я не подумала, — женщина улыбнулась, явно сдерживая смех.

В этот момент допрос прервался появлением робота, который быстро сервировал стол и подал заказанные блюда. Перед Афанасьевым оказалась тарелка с большим куском мяса, судя по запаху — настоящий бифштекс. По краям тарелки лежали какие-то овощи, хотя, возможно, и не натуральные овощи, а искусственно бог весть из чего синтезированные.

— Ешь, Победитель, — пригласила его Мийра и, подавая пример, сама вонзила маленькую изящную лопатку в какой-то паштет. Хотя с тем же успехом это мог оказаться щербет. Или мороженое.

Виктор взял лежавшие перед ним двузубую вилку и тонкий нож, отрезал кусок мяса, присовокупил к нему нечто похожее по виду на отварной молодой картофель и отправил это великолепие в рот. Вкусно! Очень вкусно! Особенно после той пресной бурды, которой его кормили с момента попадания в эту жизнь. Он с аппетитом принялся за еду, ловко орудуя ножом и вилкой.

— Попробуй, — Мийра протянула ему бокал с какой-то бледно-розовой

опалесцирующей жидкостью.

Афанасьев взял бокал и повёл носом над поверхностью жидкости, снимая верхний слой аромата. Пахло свежестью и словно бы цветами после дождя. Отпил маленький глоток, покатал по нёбу и языку. Очень приятный напиток. Похож на очень хороший молдавский рислинг, которым его довольно долго снабжал товарищ по училищу, оказавшийся в Приднестровье. Он отпил ещё и с удвоенной силой заработал ножом и вилкой.

— Большое спасибо, госпожа Мийра, — сказал он, добив свою порцию. — И... напиток очень вкусный. — Подождал несколько секунд и спросил: — Я пойду?

— Иди-иди, — ответил Мийра и в подтверждение своих слов чуть махнула рукой.

Виктор отправился в игровую комнату, но ни играть, ни развлекаться как-то иначе не стал. Он просто сел и задумался: Мийра явно его прощупывала. И что?

Но по здравому размышлению он решил не форсировать события. В случае развития сценария по худшему варианту он всегда сможет зачистить ферму и свалить куда подальше. А пока остаётся лишь ждать и изучать этот мир.

А Мийра не торопясь допила вино, отставила от себя вазочку с недоеденным мороженым и глубоко задумалась. Кто же ты такой, охотник? То, что не клон — очевидно. Клон-охотник не умеет профессионально и быстро чинить электропроводку, на выдиране которой она потратила все утро. Клон-охотник не умеет вести себя за столом так, словно много лет именно так ел и пил. Держит в руках приборы, может быть, и не обычно, но ловко и уверенно. А как он опробовал аромат вина? Движение было элегантным и привычным, словно у охотника были за спиной десятки поколений именитых предков. Как у неё...

Женщина прикрыла глаза. Перед мысленным взором замелькали картины из её прежней — до замужества, жизни. Вот она, совсем ещё юный стажёр, входит в здание Управления, а вот ей присваивают первое звание. Вот она допрашивает террористов из мира Хилья, а вот её саму допрашивают.

Она вздохнула: было, было... Перспективный командир специальной группы попала вместе со своими людьми в засаду. Группа не сдалась — отбивались до последнего. Уже в конце боя её оглушило близким разрывом, она потеряла сознание. А очнулась уже в плену.

Мийра напряглась и отогнала от себя неприятные воспоминания. Не стоит вспоминать о том, как тебя днём накачивали наркотиками, стараясь вырвать ответы на заданные вопросы, а ночью по очереди насиловали, не давая заснуть. И так изо дня в день, изо дня в день...

Именно после этого случая психологи Управления предложили ей взять то, что называлось «долгий отпуск». На несколько лет полностью сменить деятельность, превратиться в другого человека. Мийра прислушалась к рекомендациям и вышла замуж за известного охотника Гошши, занялась хозяйством и научилась находить удовольствие в маленьких простых радостях маленьких простых людей. Муж оказался неплохим человеком, хотя, конечно, образования ему не доставало изрядно. Мийра даже засмеялась и тем сбила размеренное дыхание, необходимое для расслабления методом аутотренинга. Если бы Гошши знал, кто делит с ним постель! Если бы он только мог себе представить, что утренний сок ему подаёт майор ^[2] первого отдела Управления и наследная принцесса, чей род насчитывает более двухсот поколений предков. Аутотренинг помог. Она глубоко вздохнула: злость на бессилие отпустила, ушла, растворилась. И вдруг её словно ударило током: охотник тоже пользовался аутотренингом! Ведь Мийра пыталась его спровоцировать, вызвать в нем сексуальное влечение. Но он старательно продемонстрировал, что неопасен и не агрессивен.

А ведь она точно видела: он желал её! И страстно желал! В той одежде, которой снабжают клонов, спрятать плотское желание почти невозможно. Но вдруг горящие, страждущие глаза точно подёрнулись дымкой, он глубоко задышал. Ментальная техника у клона? Не смешите сотрудника Управления.

— Кто же ты, Победитель? — спросила женщина вслух. — Кто ты и откуда взялся? Подождала, словно рассчитывая на ответ. Но ответа не было.

Виктор вышел из игровой комнаты, лишь заслышав голос Гошши. Хозяина он встретил в коридоре:

— А, Дружок?! Здоров?! Ну вот и славно! — обрадовался Гошши. — А ну-ка, пойдём, посмотрим, как там тебя подлатали?

И он зашагал в сторону зала виртуальных тренировок. За ним двинулись Афанасьев и Сед, сопровождавший хозяина на сегодняшней охоте.

В зале Гошши старательно придумывал для пограничника самые сложные задачи. Виктор дрался с энцитерами и р'эцами, сражался с хищными тагами, похожими на белемнитов древней Земли, уворачивался от щупалец актиний и свирепых гигантов-огдобов, представлявших собой жутковатую помесь кальмара и краба. Это требовало напряжения всех сил, так что, когда он наконец снова оказался на полу, ноги у него ощутимо подрагивали.

Но хозяин остался очень доволен. Он похлопал Афанасьева по плечу и вручил целых два леденца:

— Лопай, лопай, старина! Заслужил!

— Попить бы, — прохрипел Виктор.

Гошши благодушно махнул рукой в сторону стены, на которой крепилась фаянсовая раковина с питьевым фонтанчиком: ступай, мол.

Пока пограничник пил, хозяин занялся Седом. Тоже загнал его в тренажёр, и теперь Сед вертелся в воздухе, явно пытаясь отбиться от нападения с двух сторон. Но получалось у него не очень: старый охотник дважды отлетал от атаки невидимого остальным противника, а в конце концов просто безвольно повис, сдавшись и смирившись со своим проигрышем.

Гошши опустил Седа на пол, подождал, пока робот снимет с охотника виртуальный костюм-кокон, затем потрепал его по шее и вздохнул:

— Ты постарел, Сед. Совсем постарел... — тут Гошши неожиданно хмыкнул: — Впрочем, ты и в молодые свои годы Дружку и в подмётки не годился.

Сед тяжело дышал и еле держался на ослабевших ногах. По его лицу градом катил пот, длинные с проседью волосы, обычно стянутые в тугий хвост, теперь растрепались и висели неопрятными слипшимися сосульками.

Виктору стало жалко старого охотника, и он рискнул подать голос:

— Он устал, мой командир. Он ведь охотился весь день, вот и устал. Отдохнёт, и...

— Думаешь? — перебил его Гошши и повернулся к Седу. Вытащил свой похожий на пистолет диагностирующий прибор, начал прикладывать его к телу охотника. Считал информацию и покачал головой: — Нет, Дружок: отдыхом это не лечится. Пять лет — это срок.

С этими словами он достал откуда-то шприц-пистолет, приложил его к шее Седа и нажал на спуск.

«Ну, хоть так, — успокоенно подумал Афанасьев. — Конечно, на стимуляторах долго не протянешь, но...»

Тут он осёкся и уставился на Седа. От укола глаза старого охотника остекленели, и он

тяжело осел наземь. Гошши наклонился к нему:

— Прощай, старик. Ты был неплохим помощником, и я никогда не жалел, что купил тебя... — он повернулся к Виктору: — Пригони-ка сюда пару цартов, Дружок. Пусть заберут тушу, разденут и отнесут в пищеблок. Там загрузите его в ёмкость с цифрой «три».

Гошши ещё раз похлопал Афанасьева по плечу, сунул ему в руку ещё один — уже третий — леденец, и пошёл к выходу. На пороге он обернулся:

— Ты приготовься, Дружок. В следующую поездку в столицу купим ещё парочку глатов, и тебе придётся поучить их. Будем вместе школить юное пополнение, так?

И он весело рассмеялся.

Оставшись один, Виктор подошёл к Седу, сам проверил пульс. «Холодный, — подумал он отрешённо. — Усыпил хозяин старого пса...» Тут он вспомнил о распоряжении и выматерился: ёмкость «три» — это установка для приготовления пищевой массы для рабочих и... для него! «Твою мать! И ведь придётся жрать, потому как завтра — охота. Перед делом нельзя лишать себя необходимого количества калорий... Твою-то мать!»

Но на следующий день Виктор опять отправился на охрану плантации. Гошши остался дома, на ферме, а пограничник повёл транспортный «Торвар» на новый участок. Но и сбора саххи тоже не получилось.

«Торвар» уже подходил к намеченному участку, когда что-то оглушительно гроыхнуло и блеснула такая вспышка, что Афанасьев невольно вспомнил о действиях в зоне применения противником ядерного оружия.

Но это не было ядерным ударом. Вода вокруг «Торвара» вскипела сотнями пузырьчатых струй — это в воду дождём посыпались какие-то предметы. Один из них весьма чувствительно чиркнул по обшивке субмарины. «Блин, это нам крупно повезло, что мы под водой, — подумал Виктор. — Были бы на воздухе — дырка б случилась почище, чем от бронебоя».

Пограничник остановил ход подводной лодки и стал дожидаться окончания этого «метеоритного дождя». А вода вокруг продолжала кипеть...

— Мой командир, — Афанасьев щёлкнул тангеткой микрофона, — тут у нас что-то с неба сыплется.

— Что?! — буквально взвыл Гошши. — Где?! Координаты, быстро!

Нажатием пары клавиш Виктор отправил координаты на ферму и спросил:

— Нам-то что делать?

— Дождись конца падений, Дружок, после выйдешь и оконтуришь площадь радиомаяками. Это такие штуковины, они лежат в третьем отсеке.

— Я знаю, что такое радиомаяк, — спокойно перебил его Афанасьев.

— Да, вот ещё что: цартов не выпускай, а сам перед выходом проглоти пару, а лучше — тройку зелёных шариков из аптечки. Ты мне ещё пригодишься.

И с этими словами Гошши отключился.

Виктор натянул гидрокостюм, проглотил три ярко-зелёные пилюльки, проверил оружие и, прихватив охапку тонких пик радиомаяков, вынырнул из шлюзовой камеры.

Всё дно было усеяно чем-то. Какие-то странные предметы невнятной формы и неясного назначения. Он воткнул первую пику, удовлетворённо взглянул на загоревшийся огонёк индикатора и нырнул посмотреть на валяющиеся загадочные артефакты.

«Интересно, что это может быть?» — подумал Афанасьев, разглядывая какой-то

странный узел из полупрозрачных светящихся трубочек треугольного сечения. «Топологическая загадка, так твою!» — прокомментировал он тот факт, что весь этот узел имел всего лишь одну поверхность, словно лист Мёбиуса.

Он методично втыкал радиомаяки по границе засеянного непонятными вещами поля, одновременно дивясь и изучая странные находки. Вот что-то похожее на... «Часы с кукушкой! Японский городской! Натуральные ходики с кукушкой!» А следующий предмет оказался точь-в-точь — пистолет «Вальтер» Р38. Вот только вынуть магазин не получилось, а когда Виктор навёл находку на дальнюю скалу и нажал на спуск, то чуть не выронил «пистолет»: верхушку скалы срезало точно бритвой.

— Вот уж не знаю, как сия хреновина называется, — задумчиво сообщил пограничник сам себе, — но Гошши её хрен получит... Такая корова нужна самому!^[3]

И с этими словами он тщательно упрятал находку в поясную сумку.

Здесь лежало ещё много чего: странно изогнутые трубы, похожие на бьющихся в конвульсиях змей, но явно гнутые на станке, а не измятые в результате катаклизма. Ящик с мигающими на всех стенках, кроме одной, световыми разноцветными точками. Странная штукавина, словно бы обросшая торчащей во все стороны шерстью или щетиной. Вот только шерсть или щетина была явно искусственного происхождения...

— Дружок! Дружок! Отзовись! — завибрировал браслет-коммуникатор. — Отзовись и готовься зажечь фальшфейер! Я на подходе! Я на подходе!

Виктор поднёс браслет к лицу и ответил, что ждёт Гошши и что подводная лодка висит рядом с «полем чудес».

— Поле чудес? — переспросил хозяин и оглушительно расхохотался. — Отменно обозначил, Дружок! Зажигай фальшфейер!

Цветное пламя последний раз мигнуло и погасло. Виктор отбросил в сторону пустую трубку и посмотрел на Гошши, коршуном кружившего над находками. Разумеется, он не мог видеть лица фермера, но по хищным хватаящим движениям рук можно было догадаться: Гошши сейчас аж слюни от восторга пускает!

— Дружок! Выводи цартов и строй их, как ты умеешь. Пойдут навстречу друг другу, и чтобы всё у меня подобрали! До последнего кусочка!

Афанасьев подтвердил приём сообщения и отправился выгонять рабочих из субмарины. Проверил каждого: правильно ли надет гидрокостюм, не забыли ли контейнеры для сборки, и затем скомандовал выход. Царты неуклюже выныривали из шлюза «Торвара» и сбивались в кучу, не желая отплывать далеко от транспорта. Ведь если всё предыдущее Виктор заинтересовало, то рабочих просто перепугало: недаром же Афанасьев обнаружил в десантном отсеке подлодки несколько мерзких вонючих луж.

«Молодцы, — неприязненно подумал было пограничник, но тут же оборвал себя: — Этим “молодцам” лет по пять, не больше. Чего же от них ещё ожидать?!» Он выстроил бригаду в колонну, и, повинаясь его сигналу, сборщики медленно двинулись к свалке артефактов.

Там их уже поджидал Гошши верхом на скутере «Шайр-100». Он разделял подплывающую колонну на две и разворачивал их в разные стороны.

— Дружок, будешь руководить левыми, — скомандовал Гошши и для убедительности поднял левую руку.

«Ну уж, где право, где лево, я как-нибудь и сам разберусь», — подумал Виктор и быстро

поплыл в указанном направлении.

Он догнал свою пятёрку рабочих и медленно поплыл вперёд, держась чуть выше линии сборщиков. Рабочие тоже двинулись, тщательно подбирая все, что лежало на дне, и складывая добычу в мешки, предназначенные для сбора саххи. Афанасьев с лёгкой улыбкой смотрел, как один из них поднял размером с человеческую голову сферу, переливающуюся всеми цветами радуги, и замер, любясь невероятным зрелищем. «Ишь ты, ценитель прекрасного, — хмыкнул про себя пограничник и тут же резко перевернулся на спину: по дну промелькнула какая-то неясная тень. Карабин словно сам взлетел к плечу, и несущийся над ними объект вдруг резко встал, словно налетел на невидимую стену. Ещё выстрел, ещё, ещё...

Непонятный объект над головой вдруг окутался ярким голубоватым свечением и взорвался, выбросив в стороны клубы газовых пузырей.

— В стороны! — рявкнул Виктор, и рабочие, словно испуганные цыплята, метнулись кто куда.

— Вайры! — раздался злой голос Гошши. — У, стервятники!

Виктор хотел спросить: кто или что такое вайры, но не успел.

— Интересно, успел он сообщить своим или нет? — задумчиво пробормотал Гошши. То ли фермер забыл отключить связь, то ли советовался с ним — неизвестно, но во всяком случае, он тут же приказал: — Дружок, будь начеку! Заметишь что-нибудь — стреляй! И возьми-ка вместо своей пукалки в «Торваре» ракетомёт.

Но неизвестные вайры больше так и не появились. Виктор весь день честно протаскал здоровенную семиствольную пушку и три запасные кассеты, но все обошлось. Впрочем, обижаться на это не приходилось: опыт подсказывал, что лучше уж неделю впустую таскать на себе пулемёт, чем в нужный момент оказаться без него.

На обратном пути Гошши чуть не до тошноты достал Афанасьева своими восторгами относительно находок. Всю дорогу он точно угорелый заяц бегал по грузовому отсеку, хватал то одну, то другую находку, подносил её к глазам и заливался восторженным смехом, словно сошёл с ума. Внезапно он кинулся к Виктору, схватил его за руку, выдернул со скамьи и затормошил:

— Дружок, Дружок! Ты хоть понимаешь, что ты сегодня нашёл?! — орал он на всю подлодку. Царты сперва испуганно шарахнулись в стороны, но потом заразились его весельем и бессмысленно захихикали. А Гошши все не унимался: — Ты даже не можешь себе представить, старина, как тебе повезло! Слушай, а не переименовать ли мне тебя в Счастливчика? Как ты смотришь на новое имя?!

Афанасьев чуть заметно поморщился: он вовсе не собирался искушать судьбу нахальным прозвищем. Виктор прекрасно помнил, как погиб его приятель-сослуживец, прозванный за невероятную удачу «Везунчиком». Он и вправду обладал фантастическим везением, чего никак не скажешь о мозгах. Бедолага так привык к тому, что выпутывается из самых невероятных ситуаций, что вконец обнаглел и взял себе позывной «Везунчик». А через четыре дня страшно и мучительно умирал с развороченным миномётным взрывом животом.

Должно быть, фермер заметил, что охотник недоволен перспективой смены имени, потому что больше этот вопрос не поднимал. Ни до возвращения на ферму, ни после.

На ферме их встретила Мийра, и только тогда Виктор понял, что его находка действительно имеет колоссальную ценность. Женщина реагировала не так бурно, как её муж, но зато очень чётко определила: что сколько стоит, и легко подвела итог. Оказалось,

что, если продать перекупщику все находки оптом, вырученная сумма будет примерно равна стоимости этой фермы. Если же не торопиться и продавать самим, через аукцион, сумма может вырасти почти вдвое.

Сообщив эту волнующую подробность, Мийра замерла, ожидая решения Гошши. Но фермер не обратил на слова жены никакого внимания: ему требовалось время, чтобы осознать самый факт обладания таким богатством. Он метался между цартами, перетаскивавшими добычу в хранилища, и поминутно орал на бедолаг: ему чудилось, что рабочие обращаются с находками недостаточно аккуратно, и он бесился от мысли, что тупые рабочие что-то поломают или испортят.

Виктор участия в общей суматохе не принимал, а спокойно стоял, прижавшись к стене, чтобы не мешать носильщикам и Гошши. Он перехватил злой взгляд Мийры и сразу же опустил глаза: ещё не хватало, чтобы эта непонятная красавица обратила на него свои злость и обиду.

Но Мийра все-таки заметила. Она подошла к Афанасьеву, не обращая никакого внимания на то, что перегородила дорогу цартам.

— А твоё мнение, охотник? — спросила она, глядя на него в упор. — Продать все оптом или подождать до аукциона?

Виктор усмехнулся. «Опять колет... Только очень уж просто: охотник в таких вещах разбираться явно не должен...» Он придал лицу выражение скучающего безразличия и ответил:

— Как вам будет угодно, госпожа Мийра.

— Нашла кого спрашивать, — загоготал Гошши. — Ещё бы царта спросила или робота!

Глядя на Мийру, пограничник мог бы поклясться, что она еле-еле удерживает готовый сорваться ехидный ответ, что-то вроде: «Ну, у тебя же я спрашивала!» Однако женщина в секунду взяла себя в руки и промолчала. Только в глазах её на миг вспыхнул злой огонёк.

Следующий день посвятили сбору саххи, столь неожиданно сорванному накануне. Гошши вывез всю бригаду на новое место, велел Виктору расставить рабочих по местам, потом приказал охранять и быстро удалился: ему не терпелось снова оказаться рядом со своим чудом свалившимся на него богатством. Афанасьев посмотрел ему вслед.

— Скупой рыцарь, — усмехнулся он. Подумал и процитировал пушкинскую строку: — Ужасный век, ужасные сердца.

После чего направил свою мини-субмарину «Шайр-500» на охрану плантации. Сегодня Гошши решил предоставить ему свою собственную подводную лодку, куда лучше оборудованную и вооружённую, чем подводный скутер.

Через три часа на руке завибрировал браслет-коммуникатор, и в голове возник безжизненный механический голос: «Бригада М-3 J-бис переходит на квадрат А-139». Следом перед мысленным взором развернулась карта. Виктор оценил расстояние и маршрут: плыть ближе, но смущает этот вот район, помеченный тревожным синим цветом. Что-то он не помнил, чтобы тут было что-то опасное. Но картографы просто так пугать не станут, так что стоит приготовиться к неприятностям.

Движения он не увидел, а лишь почувствовал, как качнуло «Шайр», и моментально развернул юркий кораблик влево. Прямо перед стеклом промелькнула длинная тёмная верёвка — ловчее щупальце актинии-переростка. Короткий доворот в сторону, и носовой

нож вспорол тело подводного хищника, накрошив его мелкими разлетающимися в стороны ломтями.

Потом, заложив крутой вираж, чуть прижался ко дну и, не выходя наружу, фрезой носового ножа рубанул по остатку извивающейся конечности актинии.

Больше ничего особенно страшного, кроме ещё полдесятка хищных полипов, в синем квадрате не оказалось. И водоросли тут росли и впрямь на загляденье! Густые, сочные, мясистые. Один за другим быстро наполнялись контейнеры, бригада перевыполнила свою дневную норму и теперь уверенно шла к новому рубежу: две дневные нормы за одну смену. Не сказать, что было легко, но рабочие трудились словно роботы.

Ил Корса, знаменитый производитель снаряжения и лодок, в первый день декады презентовал новый проект города, основание которого будет покоиться на дне, а верх взмывать в облака. Проект предполагает застройку участка на глубине пятсот метров, и внизу будут располагаться энергетические мощности и крупнейшая в секторе верфь. На малых глубинах и над поверхностью будут находиться офисные и торговые центры, причальная зона, а также гостиничные модули. Среднюю часть башни планируют занять крупные корпорации, пока не имеющие своих куполов, а самый верх, вознесённый на высоту шестьсот метров — штаб-квартира «Корса».

Операция Внутреннего контроля по зачистке незаконного поселения в секторе Генхар чуть было не вылилась в полноценную войсковую операцию. Вайры оказали ожесточённое сопротивление, и была вызвана штурмовая авиация.

Ковровая бомбардировка города полностью уничтожила плавучий каркас, и остатки строений сейчас дрейфуют на поверхности.

Идёт массированная спасательная операция на дне и на поверхности, но части вайров удалось уйти на скоростных лодках типа «Шайр».

Всячески приветствуя очистку Великого Океана от отбросов, редакция всё же задаётся вопросом, так ли необходима была бомбардировка города, уничтожившая большую часть населения?

К исходу второго месяца Виктор уже вполне обустроил свой быт. Спал он всё там же, в общей казарме, но у него появилась и своя комната или, скорее, чуланчик, где можно было хранить личные вещи, например, планшет с разбитым экраном, который он вытащил из мусорного контейнера.

С местным интернетом он разобрался быстро, тем более что сделано всё было в расчёте на малограмотного пользователя.

Планета, куда он попал, была практически вся покрыта водой, за исключением одного довольно крупного острова размером примерно с Гренландию и трёх десятков островных архипелагов. Понятно, что в таком мире каждый метр суши стоил не просто дорого, а фантастически дорого. Чуть дешевле стоили метры в плавучих городах, которых насчитывалось пару сотен, и совсем дёшево — жильё в подводных городах и на рукотворных островах из всяческого плавучего мусора: пустых бочек, корпусов старых кораблей и тому подобного, на которых жили местные отщепенцы — вайры.

Вайры жили своеобразными коммунами, не подчинялись никаким законам, и время от времени вступали в войны за передел плантаций водорослей. Но эпизодически вполне серьёзно отхватывали от частных военных компаний и местных правоохранителей, в основном за демпинг на рынке наркотиков, производимых из тех же водорослей, из которых делали препарат, продлевающий жизнь.

Стоил наркотик намного дешевле препарата, но и делать его было намного проще, и разлеталась эта дурь по всем обитаемым мирам со скоростью курьерских кораблей. Да,

бизнес был рискованным, и за «Бездну» даже не сажали, а просто убивали при задержании, но когда и кого это останавливало при двух тысячах процентов прибыли?

Вайры иногда совершали налёты на фермы, подчищая добычу до последнего ростка, но при этом старались вести себя в рамках негласного кодекса и никого не убивать и не калечить, что, впрочем, касалось лишь свободных граждан и никак не распространялось на рабов, которых просто продавали новым хозяевам.

Ферма Гошши была одним из многих совершенно официальных предприятий, плативших налоги и занимавшихся разработкой приобретённых на аукционе участков.

После вырубки верхних частей растений участок сдавался специальной инспекции, которая строго следила, чтобы обрезка не затрагивала нижних, корневых участков, и чтобы проходы для сборщиков не превышали установленного значения.

Кроме ценного биологического сырья, на планете зарабатывали организацией подводной охоты и центрами омоложения, располагавшимися в основном на островах тропического пояса.

Но главная ценность планеты, из-за чего она была признана независимым от всех государств, была сложная природная аномалия. Временами над океаном или в его глубине возникал пространственный вихрь, откуда вываливались космические корабли, и вообще всё, что так или иначе нарушило свой ход в гиперпространстве. Корабли вываливались в основном в виде обломков и с мёртвыми экипажами, но иногда бывали случаи, когда межмировой переход пробивали вполне боеспособные корабли совершенно невероятных и довольно воинственно настроенных рас.

Тогда в бой вступали многочисленные наёмники, которые, завалив ксеноморфов трупами, словно стервятники пировали на куче высокотехнологичного металла, распродавая части и компоненты, зачастую не понимая их истинного назначения.

Многочисленные исследовательские центры охотно скупали любой инопланетный мусор, продвигая за счёт артефактов иных цивилизаций человеческую науку.

Из-за межпространственных волн, накатывавших на планету, обычная, знакомая Виктору физика была несколько скомкана, и в процессе сбора водорослей можно было наткнуться на локальные возмущения поля, выглядевшие довольно экзотично.

Виктор лично видел один раз серебристое тело, пролетевшее мимо лобового стекла рубки, и он мог поклясться, что это больше всего похоже на атмосферный самолёт, чем на нечто подводное. И при этом его даже не качнуло, словно промелькнувший объект был нематериальным.

Хватало и другой чертовщины, но бывший полковник как истинный материалист не забивал себе голову всякими глупостями, продолжая учиться, и попутно давал план по сбору водорослей.

Поначалу он пытался учить рабочих чему-то, кроме добычи саххи, но потом плюнул и от безделья сконцентрировался на организации производства. Тасовал бригады, подбирал оптимальный график для сборщиков и не ленился лично обследовать будущий участок добычи, выявляя опасные участки и расставляя охранные модули.

К удивлению Виктора, его усилия не только принесли плоды в виде резко выросшей производительности, но и в отношении к нему Гошши, который уже не обращался к нему как к рабу, а позволял себе даже шутить и пару раз приглашал к себе за стол.

Пользуясь расположением хозяина фермы, Виктор в техническом отсеке оборудовал себе спортзал, где с удовольствием таскал железки и учил своё новое тело двигаться.

Нужной моторики тело не имело, но память у Виктора никто не отнимал, и тело, отлично приспособленное для войны, быстро нарабатывало необходимые кондиции.

Несколько раз он ловил на себе заинтересованный взгляд Мийры, но вот чего Виктору было совсем не нужно, так это шекспировских страстей на глубине в полторы сотни метров, и он делал вид, что не замечает её поползновений.

Задумавшись, он почти пропустил момент, когда рабочие закончили выработку последней полосы и начали грузить контейнеры мешками с водорослями.

Он отогнал юркий «Шайр» к транспорту, прижался к стыковочному узлу и, дождавшись щелчка захватов, отдраил переходной люк вниз. Перейдя в кабину «Торвара» — грузопассажирского транспорта, на котором возил добычу и рабочих к участку, — сразу проверил работу автоматики, но все огоньки на пульте горели зелёным. Сначала доставку рабочих делал сам хозяин, но Виктор быстро освоил управление техникой, тем более что оно было максимально упрощено. Не нужно было следить за дифферентом, давлением и прочими подводными премудростями. Автоматика сама делала всё, что нужно, а оператору оставалось лишь управлять ходом подводной лодки, двигая ручку типа джойстика.

Когда «Торвар» завис над добычей, манипуляторы лодки сами начали подхватывать контейнеры с мешками, а механика приёмного узла принимала их и укладывала в трюм. В это время рабочие уже забирались в «Торвар» через шлюз и с облегчением освобождались от гидрокостюмов и дыхательных аппаратов. Их ждали сладости, мультфильмы и игры, а вот Виктору предстояло взвесить все контейнеры, посчитать чистый вес зелёной массы и внести в реестр учёта, чтобы завтра не оставить на складе ничего, кроме пустых ящиков.

Он развернулся в кресле и посчитал по головам всех рабочих. Убедившись, что никто не остался за бортом, включил маневровые, поднимаясь над промысловым участком.

— Всем пристегнуться.

Проконтролировал боковым зрением, что все двадцать огоньков на боковой панели сменили цвет на зелёный, и начал разворачивать транспорт.

Неладное он почувствовал ещё на подходе, увидев взбаламученный ил вокруг подводной фермы, и, доверяя своим рефлексам, положил лодку на дно.

— Всем оставаться на местах! Можете распаковать рационы! — Виктор вскрыл аварийный ящик и раздал упаковки с едой. Это должно было занять рабочих на полчаса-час, а этого времени ему хватит, чтобы разобраться с тем, что происходит на ферме.

Гидрокостюм он не снимал, так что ему осталось только нацепить ласты, пристегнуть нож и надеть шлем.

В воду он вышел через грузовой люк, который находился у кормы лодки, и сразу поплыл к техническому шлюзу.

Запор на массивной задвижке имел механизм открывания снаружи, но для того, чтобы привести его в действие, требовалось иметь специальный ключ.

Узкая щель, совершенно незаметная под слоем водорослей, выросших на корпус, приняла пластинку ключа, и, совершенно беззвучно провернув штурвал, Виктор всплыл в крошечную комнатку, где находились инструменты для ремонта внешней обшивки: клей с отвердителем и сварочный аппарат.

Подумав, решил не снимать гидрокостюм, так как тот имел усиленную структуру и был хоть какой-то защитой.

Дверь в коридор нижнего уровня открылась бесшумно, и, приложив ухо к узкой щели, он

стал внимательно слушать, что происходит вокруг.

Судя по звукам, гости, кем бы они ни были, грузили контейнеры с водорослями, а где-то наверху орал словно резаный Гошши.

Невысокий костистый мужчина в рваном гидрокостюме успел лишь обернуться, когда узкий нож с лёгким хрустом вошёл ему под ребро.

Опустив мёртвое тело на пол, Виктор ещё раз прислушался, и решил пока пробиваться к центру управления, потому что именно оттуда можно опустить герметичные переборки по всей ферме.

Второго он снял так же тихо и, поморщившись от удушливого запаха химии, затащил за угол. Больше перед ним и дверью в центр не было никого, и, размяв шею, он мягким тигриным шагом пошёл вперёд.

Когда стоявший спиной к двери мужчина умер и упал на пол, вся комната центра выхватилась сознанием, словно один кадр.

Мийра и Гошши сидели в креслах, связанные по рукам и ногам, а возле хозяина стоял высокий широкоплечий мужчина с окровавленным ножом, с которого капала кровь. Вид у Гошши был совсем плохой. Бледное лицо было в кровоподтёках, а с рукава на пол капали капли крови, образовав небольшую лужицу. Ещё двое обыскивали шкафчики в комнате, выбрасывая содержимое прямо на пол, и даже не обернулись на звук упавшего подельника.

— Ты ещё кто, харх тебя сожри! — вожак банды вайров уставился маленькими поросычьими глазками на Виктора и начал перекладывать нож в левую руку, видимо, чтобы достать что-то из кобуры на поясе. Это его и сгубило. Вибронож, который Виктор метнул из всех сил, вошёл в лицо вайра, выломав затылочную кость. Но этой красоты полковник уже не видел, так как метнулся к обыскивавшим помещение людям. Два хлёстких удара, и противники рухнули, словно мешки с песком.

Выдернув нож из руки трупа, Виктор перерезал верёвки на хозяине и его жене, и та сразу кинулась к аптечке, чтобы остановить кровь.

Видя, как у неё дрожат руки, он отстранил женщину и, обработав рану на руке антисептиком, залил её регенерирующей повязкой.

— Там ещё люди в главном шлюзе, — Виктор выдернул нож из головы вожака и, взмахнув им, сбросил капли крови с лезвия. — Пойду, побеседую.

Трое доходяг, ковырявшихся в шлюзовой, не доставили никаких проблем, а вот вылезший из стоявшей у пирса лодки маленький подвижный мужичок чуть было не располосовал Виктора, взмахнув ножом с такой скоростью, что тот едва успел отскочить. Но в итоге и он улёгся в кровавую лужу, а Виктор, проконтролировав тела короткими взмахами ножа, пошёл обратно в центр управления.

Просмотрев камеры системы безопасности и датчики, он убедился, что больше никого из пришлых по ферме не шатается, и, кивнув Гошши, отправился загонять лодку с рабочими в док.

Встала лодка с трудом, так как пиратская посуда была хоть и старым, но вместительным транспортом «Лагхор», позволявшим за раз взять больше двух сотен контейнеров.

После швартовки Виктор отпустил рабочих и, связавшись с хозяином, сел в кресло «Лагхора». Транспорт следовало отогнать и положить на дно, так как сигнал тревоги уже был принят тревожной группой, и к ферме спешили полицейские, а они не любили парковаться снаружи.

Когда Виктор снова вернулся в рубку, Гошши уже порозовел и переоделся в чистое, а Мийра с кем-то общалась по видеосвязи.

— Ты как? — хозяин внимательно посмотрел на Виктора. — В одиночку завалить всю банду... Я о таком даже не слышал.

— Да тоже мне войны, — Виктор хмыкнул. — Посмотрел бы я на них там, в полях. Ни один бы живым не ушёл даже от р`эци. Мясо.

— Да... — Гошши ладонями потёр лицо. — Пойду-ка я отдохну. День сегодня шумноватый выдался.

Топ десяти мест для нескучного отдыха на канале «Золотая Рыбка», и я, ведущий канала Шустрый, буду сегодня вашим гидом по самым лучшим местам Великого Океана.

Безусловно, Архипелаг Майто всё ещё привлекает толпы посетителей великолепным парком с сотнями укромных местечек, замечательным аэрошоу и бравыми армейцами и бойцами спецподразделений, проходящими там реабилитацию. Цены вполне приемлемые, девицы в большом ассортименте, но, если вы не настроены на тихий семейный отдых и любовные забавы, через день взвоете от скуки. Десятое место.

Чуть выше в нашем рейтинге подводный курорт «Отметка пятьсот», где развлекаются подводной охотой любители со всех планет. Разветвлённая система подводных лабиринтов, огромное количество хищников на любой вкус и льготная лицензия на вывоз трофеев делает «Отметку пятьсот» хорошей альтернативой опостылевшему пляжному отдыху и позволяет выставить девять баллов.

Восьмое место — медитационные залы Храма Великого Океана. Может, кому-то это место покажется хмурым и неприветливым, но купола, расположенные на глубине в две тысячи метров в кратере старого вулкана, привлекают огромное количество паломников. Невероятная тишина пещер, учителя самопознания и отличный сервис заслуживают своего места в рейтинге.

На седьмом месте у нас пока малоизвестный, но стремительно набирающий популярность плавучий город Бриз. Спущенный на воду совсем недавно, он изначально был построен как место отдыха для студентов и молодёжи всех миров. Лёгкие психоделики, спиртное, девчонки и мальчишки в огромном количестве, а также все мыслимые и немыслимые развлечения на любой вкус делают это место таким популярным, и билеты уже нужно заказывать за пять-шесть декад.

Шестое место нами по праву отдано роскошному орбитальному курорту «Звёздное колесо». На огромной орбитальной станции, построенной при участии крупнейших корпораций обитаемых миров, есть и парки, и озёра, и даже гоночная трасса. Но то, что делает это место уникальным, находится в роскошных залах и тихих комнатах. Игры всех видов, где можно проиграть и выиграть целое состояние, причём в самые короткие сроки. Последняя ставка в Звёздном Покере составила больше трёхсот миллионов, а объединённый джек-пот — полмиллиарда.

Верхняя часть списка — это действительно нечто выдающееся и необыкновенное. И в списке жемчужин нашей планеты безусловно будет реликтовый лес на острове Вергонн. Там запрещены всякие поселения, но вы можете просто пройти одним из сотни маршрутов из конца в конец, или как-то по-другому, слившись с природой. Огромные деревья, озёра и речки — всё то, чем нас совсем не балует Океан, представлены на этом участке суши со щедростью, достойной Создателя. Именно о Вергонне писал великий Нассар в своём романе «Между звёздами и морем», и именно Вергонну посвящена лучшая книга сонетов Тигейро зан Сааро.

Чуть выше по списку, но не по значению, курортное местечко на мелководье

Мераххской равнины. Дома на сваях, вода не глубже двух метров, прогреваемая тропическим солнцем, многочисленные островки с роскошными пляжами и зелёными лужайками сделали это место культовым для проведения месяца уединения для супружеских пар и любовников.

Третье место занимает плавучий город арн Дрие. Это настоящий город с аэрокосмопортом, стадионом, театром и парком, занимающий площадь в два квадратных километра,двигающийся в зоне тропиков — настоящая жемчужина инженерной мысли и крупнейшее плавучее сооружение во всех обитаемых мирах. Архитектура города была разработана лучшими художниками и воплощена лучшими строителями обитаемой вселенной. Если вы никогда не были здесь, купите хотя бы обзорную экскурсию, и это станет одним из лучших воспоминаний в вашей жизни.

И я подплываю к двум первым местам в нашем списке. Места эти с равным успехом можно назвать как самыми недоступными и самыми роскошными, так и самыми желанными, но ничто не сравнится с их дороговизной.

Итак, встречайте. Номер два — летающий город зан Гройса. Диск километрового диаметра, парящий в небесах и созданный для небожителей. Роскошные дворцы, элитные учебные заведения и не менее роскошные курорты, где самый дешёвый билет на десять суток обойдётся вам в пять миллионов никоха. Стоит ли оно того? Вам решать, но если у вас есть фото из казино «Вершина», жизнь удалась. И неважно, что погашать этот кредит вы будете всю оставшуюся жизнь. За пребывание на вершине социальной пирамиды можно и раскошелиться. Особо хочу отметить легендарное во всех мирах хранилище напитков зан Гройса и Дворец наслаждений повесы и любителя плотских радостей миллиардера зан Тоги, посещение которых входит в стоимость билета.

Ну а первое место отдано месту совершенно недоступному для простых смертных — комплексу правительственных зданий на архипелаге Беон. Изысканная архитектура, натуральное дерево в отделке и новейшие технологии, которые буквально пропитывают этот райский уголок, управляющий всей жизнью Великого Океана. Там вы не встретите случайных людей и туристов. Там нет рекламных щитов и магазинов. Всё, что нужно, есть в огромных каталогах и будет доставлено вам в дом вместе с примерочным комплексом.

И никакая виртуальная экскурсия не даст полного представления о величественном здании Министерства Правосудия или о Дворце Промышленности, и уж, конечно, техника бессильна передать всё великолепие Дворца Правительства с висящей в главном холле объёмной моделью нашей планеты, на которой в реальном времени отображаются все погодные аномалии и Волны.

Но и здесь есть места, куда не попасть даже с помощью виртуальной экскурсии. Да, можно заглянуть в кабинет Президента Республики или побывать на его личной кухне, но это далеко не всё, что стоит посетить на Архипелаге.

Знающие люди поговаривают о наличии некоторого количества развлекательных заведений, казино и прочих развлечений, а также громадном суперкомпьютере, скрытом в подземной толще, и комфортабельных бункерах на сто тысяч человек.

Наутро Гошши решил, что ему срочно требуется психологическая разгрузка и отбыл, оставив ферму на жену и Виктора. Вернулся назад он в практически невменяемом состоянии, и Мийра вызвала Афанасьева, чтобы тот, встретив летающее такси на поверхности, вытащил пьяного фермера из флаера и занёс его в «Торвар».

Следующим вечером, когда Виктор вернулся вместе с бригадой домой, Гошши, глядя мутными глазами мимо него, поставил пограничника в известность, что тому придётся сражаться на арене местного цирка.

— Помнишь ту напыщенную холёную суку, которая чуть было не перекупила тебя на аукционе, Дружок? — прохрипел Гошши. — Лейду Арридо? Так вот: она выставляет пятёрку своих лучших бойцов, а я — тебя. Ты их быстро убиваешь, получаешь коробку, нет, ящик леденцов, и мы едем домой.

С этими словами фермер жадно присосался к фонтанчику с питьевой водой. Двое новых охотников, привезённых Гошши из города, равнодушно взирали на происходящее.

Дальнейшими подробностями предстоящей битвы с Виктором поделилась Мийра, когда он, отдыхая после вечерней тренировки, возился с подводным оборудованием, приводя его в порядок.

— ...И этот фирыг нажрался там и стал рассказывать, какой у него крутой глат. Кто-то, видно, стукнул этой сучке, и через полчаса она притащилась сама в бар и раскрутила этого недоумка на пари, — Мийра зло прищурилась. — На кону наша ферма и всё, что у нас есть, включая цартов и тебя.

— А если я выиграю бой? — спокойно спросил Виктор, внимательно наблюдая за реакцией женщины.

— Он получит три миллиона, — выплюнула она. — Этого хватит и на большую ферму, и на сотню цартов, и пару тяжёлых транспортов в придачу.

Произнеся все это, Мийра выжидательно посмотрела на Афанасьева. И пограничник не обманул ее надежд.

— А что получу я? — спросил Виктор, подтягивая ремень на ножнах.

Он поднял голову, и взгляд его стал таким пронзительным, что Мийра, выдавшая в своей жизни всякое, едва заметно поёжилась.

— И что же ты хочешь? — ответила она вопросом на вопрос. Но ответ она уже знала...

— Свободу. Свобода — единственный приз, за который я соглашусь на поединок.

— Хорошо. Если победишь — будешь свободным.

Виктор поцокал языком:

— Ты слишком легко согласилась. Так не пойдёт.

— А как пойдёт?

— Поклянись всем, что для тебя свято. И не вздумай нарушить клятву: пожалеешь.

С минуту они мерились взглядами.

— А почему бы тебе не поговорить об этом с Гошши? — спросила женщина. — Он здесь хозяин.

Афанасьев усмехнулся:

— Можешь рассказывать это соседям, властям или своей старенькой бабушке, а мне мозги полоскать не надо. Сейчас Гошши не отвечает ни за свои дела, ни за свои слова, и вообще невменяем. Говорить с ним — всё равно, что говорить с цартом... — он снова усмехнулся. — И только слепой не поймёт, кто у вас в семье главный. Только у тебя, госпожа

хозяйка, хватает ума и изворотливости держать это в тени.

— Но с тобой так не получится? — Мийра неожиданно придвинулась совсем близко, и Виктор ощутил тонкий аромат, исходящий от её кожи. По обнажённому плечу скользнула прядь светлых волос. — Выиграешь, и получишь нечто большее, чем свободу.

— Я так и не услышал клятвы, — спокойно ответил пограничник.

Мийра отстранилась и негромко рассмеялась:

— Хочешь клятвы? — спросила она звенящим голосом. — Хорошо.

Она сняла с шеи медальон и, зажав его в вытянутых вперёд ладонях, опустила на одно колено.

— Я, гейтахо варрайо онха, клянусь двумястами шестью поколениями рода, своей родовой честью и духом Великого Океана, что освобожу от рабства этого охотника, если он победит на арене.

Она разжала ладони, и Виктор увидел, как то, что он принимал за камушек на подвеске, светится голубым цветом, чуть мерцая, словно в такт биению сердца.

— Видишь? Великий Океан принял клятву.

Наутро Гошши велел оставить цартов в игровой комнате под присмотром новых охотников и, прихватив Мийру и Виктора, сам сел за управление подводной лодкой.

Поскольку на поверхности был штиль, он поднял «Торвар» и погнал его по мелкой волне, разогнавшись почти до предельной скорости в сто десять километров в час.

В маленьком порту, куда они пристали, их уже ждал летающий транспорт с короткими крыльями, и стоило пассажирам сесть, как он без разгона взмыл в воздух.

Летели так долго, что Виктор успел слегка подремать, а очнулся, лишь когда машина завалилась на правое крыло, заходя на посадку.

Сверху Виктор успел увидеть только небольшой остров и вытянутый овал здания, похожего на Колизей, крошечный парк вокруг и частую гребёнку длинных пирсов, уходящих в море.

Сели прямо на крышу здания, и пара служителей в развевающихся на ветру балахонах проводили их на два этажа вниз, где фермера с женой подхватили два других служителя, а Виктора потащили ещё ниже, туда, где широкая мраморная лестница заканчивалась и начиналась простая, сложенная из серых шершавых глыб, от которых тянуло холодком.

Потом повернули в длинный коридор с бесконечным рядом дверей, и, открыв одну из них, втолкнули Виктора в комнату, щёлкнув на прощание замком.

В комнате было сухо и прохладно, от большого окна, забранного решёткой, приятно тянуло морским ветерком. Он не торопясь прошёлся взад-вперёд по комнате и, хмыкнув, начал руками массировать мышцы.

Потом слегка размялся, растягивая связки, и после всего прилёг на топчан, погрузившись в медитативное ожидание.

Где-то через час раздались шаги, и в комнату вошли три человека, двое из которых были в серых штанах, куртках, подпоясанных широкими ремнями, и с короткими дубинками на поясе. Третий — мужчина с длинными волосами, забранными в косицу, в белом длиннополном одеянии и с небольшим чемоданчиком в руках деловито вошёл в комнату и присел на кровать рядом с Виктором.

Мужчина молча вытянул руку Виктора вперёд и, раскрыв чемодан, вытащил оттуда длинный и узкий, словно пенал прибор. Прижав его к предплечью, долго смотрел на цифры

на экране, и через минуту убрал устройство в чемодан.

— Стимуляторов нет, он чист, — коротко бросил наконец, и один из серых кинул охотнику свёрток с одеждой. — Переоденься.

Оранжевые словно апельсин куртка и шорты были вполне по размеру, и, когда Виктор сбросил то, в чём приехал, и переоделся, служитель коротко кивнул.

— Пойдём.

Привели его к узким решётчатым воротам, где уже стоял широкоплечий и высокий мужчина, в таком же сером одеянии, только у него на поясе была не дубинка, а узкий длинный меч.

— Слушай внимательно, мясо. Сейчас пойдёшь туда, — громила кивнул куда-то за решётку. — Там будешь сражаться. Ну, охотиться. Понимаешь? Как на глубине. Только не на тварей разных, а на людей.

— А что, можно? — Виктор изобразил самую дебильную улыбку, какую смог.

— Можно, можно... — Здоровяк кивнул: — Когда убьёшь всех, можно уходить.

— Обязательно убивать?

— Ну, если лежит и не встаёт, то можно и не убивать.

— А оружие? — Виктор посмотрел здоровяку в глаза.

— Да выбирай, что хочешь! — мужчина неожиданно расхохотался гулким и громким смехом, который долгим эхом отдавался в коридоре. Легко, словно танцор, он шагнул в сторону и толкнул рукой боковую дверь.

За дверью оказалась большая, метров пять на десять комната, с оружейными пирамидами и стеллажами.

— Ничего стреляющего не дам, а остальное — выбирай, — и он снова захохотал, словно сказал невесть какую шутку.

Виктор не торопясь прошёл вдоль стоек. Здесь были и алебарды, и боевые топоры, и, в общем, весь спектр холодного оружия, включая совсем экзотику вроде цепа на длинной ручке, но на конце не палка и не шипастый шар, а ёж из четырёх клинков, спаянных в треугольную призму.

Холодным оружием Виктор увлекался недолго, но общее представление и основы фехтования изучил, что весьма удачно легло на долгие годы занятий рукопашным боем. И сейчас он, не особенно раздумывая, потянул со стойки длинную боевую шпагу с широким клинком, простой гардой и удобной рукоятью. Шпага оказалась неожиданно лёгкой, словно сделана была из алюминия или титана, но клинок прореагировал на изгиб правильно, распрямившись мощной пружиной и тонко зазвенев.

— Вот это.

— Гарнат? — громила недоверчиво хмыкнул. — Хитрое оружие. Ничего не попутал, глат? Может, возьмёшь вибронож или серп?

Виктор в ответ лишь усмехнулся, кончиком пальца осторожно проверил заточку клинка и слегка стукнул по стали, слушая, как затихает чистый тон.

— Не попутал.

С лёгким скрипом решётка распахнулась, и Виктор вышел на ярко освещённую арену.

Трибуны, остававшиеся в тени навесов, были словно в темноте, а сама арена, открытая небу, ярко освещалась чуть розоватым светом Геноэ.

Арена была размером примерно с футбольное поле, только шире, и засыпана мелким

кварцевым песком, сверкавшим в лучах солнца, словно свежий снег. Почувствовав внутри какую-то эмоциональную волну, пограничник вскинул шпагу вверх, приветствуя зрителей, и с улыбкой поклонился на все четыре стороны.

От непривычного жеста многочисленные зрители сначала замерли, а потом взорвались приветственными криками и топотом ног, что, по-видимому, в этом мире заменяло аплодисменты.

— Противником глата семьи Гошши будут пять лучших бойцов этой арены, — прозвучал над трибунами громкий голос распорядителя боёв. — У них на счету больше пяти десятков побед, как личных, так и в группе, но что-то мне подсказывает, что сегодня победа у них не будет лёгкой. Наш гость из всего многообразия оружия арены предпочёл гарнат — старинное оружие аристократии и наёмных бретёров. Оружие, требующее хорошей школы и скорости, и, надеюсь, всё это мы с вами сейчас увидим. А тем временем на арену выходят наши чемпионы. Пять глатов, завоевавших вашу любовь и прославивших победами клан Арридо и весь архипелаг Танши.

На противоположном конце поля распахнулась решётка и оттуда вышли пятеро в светло-голубых куртках и таких же шортах.

В руках первого были два виброножа, только с более длинными лезвиями, второй был вооружён копьём с ярко-алой развевающейся тряпкой под острием, а третий тащил на плече внушающую уважение дубину. Четвёртый нёс в руках огромную саблю с широким лезвием, а последний вооружился двухлезвийным топором с длинной рукоятью.

Двигались глаты быстро, но тем не менее в них ощущалась какая-то скованность, словно бы они чуть косолапили при ходьбе. А оружие вообще держали будто палки. Но вот ростом они все были выше Виктора и шире в плечах, а руки буквально бугрились мощными мышцами.

Распорядитель ещё что-то вещал хорошо поставленным голосом, но Виктор уже ничего не слышал, вгоняя себя в боевой транс.

Громкий звук, похожий на колокольный звон, словно пробудил противников к действию, и они начали двигаться на Виктора, обтекая широким полукругом.

Взметнув песок, он сразу метнулся вправо, заставляя врагов разворачиваться в неудобную сторону и сражаться по одному. Замыкавший правый фланг успел среагировать на движение и поднял огромную дубину, но это всё, что он смог сделать. Лезвие шпаги воткнулось ему точно в горло, и, фонтанируя кровью, первый завалился на белоснежный песок, пачкая его алыми пятнами.

Второй взмахнул топором на уровне пояса, и Виктор, отпрянув, пропустил лезвие мимо себя, повёл шпагу выше древка, втыкая её в грудь, и, провернув в ране, выдернул назад. Потом шагнул вперёд, скрываясь на мгновение из поля зрения оставшихся врагов, и, подныривая под руку падающего тела и приседая на правую ногу, буквально выстрелил шпагой в длинном выпаде.

Клинок вонзился глату куда-то в район подмышки, но, видно, не глубоко, потому что тот с рёвом взмахнул саблей и, не уйдя Виктор в перекат, съёс бы ему голову одним ударом. Он успел вскочить на ноги, когда сабля полетела в обратную сторону, но в этот раз он не стал уходить, а, слегка подправив путь опасного, но неповоротливого оружия, заставил его пропахать глубокую борозду по песку.

Это остановило движение, и, метнувшись серебряной искрой, шпага чётко вонзилась в бок врага, уйдя почти на двадцать сантиметров в глубину.

Взревев обиженным медведем, глат выронил саблю и, затыкая рану рукой, повалился на песок.

На ногах остались лишь тот, кто был с ножами, и человек с копьём. Повторяя заученную схему, они стали расходиться в стороны, беря Виктора в клещи, но тот, ломая рисунок, прыгнул вправо, к копьеносцу, и чуть было не наткнулся на точно выставленное острие. В последний момент пограничник успел рукой сдвинуть копьё вправо и, крутанувшись с широким взмахом вокруг себя, одновременно дёрнул оружие противника.

Отрубленная ударом голова ещё крутилась в воздухе, разбрызгивая кровь, а Виктор уже развернулся к последнему противнику и, коротко отсалютовав шпагой, скользнул вперёд.

Вибронож — хорошее оружие, но только не против шпаги. Отбив первый выпад левым ножом, глат попытался ткнуть правым, но забыл учесть большую длину вражеского клинка. Гарнат, описав короткую дугу, впился ему в грудь, с лёгким хрустом проломив грудину. Противник замер на секунду, а потом, закатив глаза, рухнул на песок, замерев сломанной куклой.

Взмахнув шпагой, Виктор сбросил капли крови с клинка и, подняв руки, выпрямился и коротко поклонился трибунам.

Всю обратную дорогу Гошши болтал не переставая. Упившись бесплатным вином в ложе для особо важных гостей, он беспрестанно повторял, какую замечательную ферму он теперь купит и как они с Мийрой теперь заживут.

А Виктор молчал. Молчал потому, что теперь он точно знал, что Гошши — проблема. И решать её придётся так или иначе. В принципе, самым реальным вариантом было убить хозяина и податься к вайрам. Те не признавали рабства и, насколько он понял, не выдавали беглых. Община насчитывала больше ста миллионов человек по всей планете, и при желании они могли устроить довольно большие неприятности.

Ещё одной возможностью были закрытые подводные города сталкеров — добытчиков инопланетного мусора, но эти люди годами не видели солнца, не появляясь на поверхности и живя и умирая под куполами своих цитаделей.

Прорабатывая варианты решения проблемы, Виктор чуть не пропустил момент, когда транспорт встал на захватах в пирсе, и пьяненький Гошши поплёлся к себе в комнаты, поддерживаемый Мийрой.

По неистребимой привычке к порядку Виктор проверил и молодых охотников, и цартов, которые недавно поели и теперь счастливо сопели по койкам.

В закутке, который не просматривался камерами безопасности, он разложил своё снаряжение. Дыхательный аппарат, охотничий гидрокостюм, более плотный и гораздо более защищённый, чем рабочий, инопланетную пушку и свой, уже ставший привычным, вибронож.

Когда Гошши ввалился в холл, то сразу же остановился и, аккуратно заглянув в коридор, осторожно прикрыл дверь. Провернул штурвал, закрывая её на мощные задвижки.

Весь хмель как будто разом вышел из него. Совершенно не качаясь, он дошёл до дивана и рухнул на него.

— Как всё...

Мийра, которая с лёгким удивлением смотрела за эволюциями мужа, чуть наклонила голову.

— Что — всё?

— Да ты бы видела, как этот Дружок смотрел на меня! Хорошо, что в «Торваре» меня не прикончил. С его ручищами он мог и голыми руками справиться, — хозяин фермы вытащил из-за пазухи маленький пистолет и положил его рядом. — Усыпить его надо. Ночью пушу газ по вентиляции, а потом дам ему тороксин. Но жаль, раздери меня кхарт! Какой был замечательный экземпляр. А я, представляешь, чуть не поспорил с этой сукой на новую схватку, но что-то меня остановило.

— А зачем так сложно, милый? — Мийра задумчиво нахмурила лоб. — Сейчас вызову его в медблок и под видом осмотра вколю всё, что надо. У тебя иньектор далеко?

— Хорошая идея! — Гошши радостно вскочил. — Тебя-то он точно не боится и подпустит к себе поближе. Ну, а там — секундное дело.

Он быстро подошёл к шкафу, встроенному в стену, и, приложив ладонь, дождался, пока сканер разблокирует замок.

— Вот, держи, — он достал из узкого плоского пенала пневмошприц-пистолет. — Как пользоваться, знаешь?

— Откуда? — женщина удивлённо посмотрела на мужа. — Я же никогда этого не делала.

— Кхарт! Ну вот, смотри. Эту скобу вверх, прислоняешь к телу и жмёшь вот сюда. Как раздастся короткий такой пшик — всё. Можно убирать.

— Потянуть за рычаг?.. — Мийра осторожно, двумя пальчиками, потянула за предохранительную скобу и чуть не выронила шприц.

— Да берись нормально, курица безрукая! — взорвался Гошши, увидев, как скоба выскочила из тонких пальчиков.

Он резко нагнулся, стремясь подхватить падающий инструмент, когда раздался сухой щелчок и под подбородок фермера ткнулась игла.

— Так правильно? — спросила Мийра с выражением девочки, хорошо выучившей урок.

Глаза Гошши остекленели, и он начал заваливаться назад. Неожиданно ловко она подправила падение тела так, чтобы покойник оказался на диване. Села рядом, повертела в руках разряженный шприц-пистолет, отложила в сторону, поправила волосы. Затем, не глядя на труп, произнесла:

— Извини, дорогой. Так получилось...

В закутке скрипнула дверь, и внутрь неслышно просочилась Мийра. Виктор поднял голову.

— Вот так, — сказала женщина, усаживаясь на его койку. — Ты свободен. Куда намереваешься отправиться?

Афанасьев задумался. Машинально повертел в руках вибронож и отложил его в сторону. Затем повернулся к Мийре:

— А что ты посоветуешь? — спросил он. — И, кстати, неплохо бы какой-нибудь документ, а то... — и он неопределённо повертел в воздухе пальцами.

— Документ? — переспросила Мийра и задумалась. Потом просветлела лицом: — А-а-а, ты имеешь в виду чип?

Подумав секунду, Виктор решился. Посмотрел на безумно красивую женщину, сидящую рядом, и как можно спокойнее произнёс:

— Послушай, я ведь не знаю, как тут у вас оформляют процедуру освобождения. Мне

нужно то, что сделает меня полноправным гражданином, или как это тут у вас называется?

Мийра внимательно посмотрела на него и вдруг легко взяла его за руку. Повернула и тщательно осмотрела его татуировку.

— Почти совсем сошла, — констатировала она. — Яд энцитера растворил краски. Ещё чуть-чуть, и ты уже не клон.

— Но и не гражданин, так? — уточнил Виктор.

— Ну-у... — протянула Мийра задумчиво. — В принципе, чип почти никогда и не нужен. Разве что ты надумаешь улететь на другую планету или выставить свою кандидатуру на выборах. Но я тебе хочу сказать что-то действительно важное. — Мийра помолчала. — Ты знаешь, чем отличаются клоны от людей? Нет-нет, не говори, — она ладонью закрыла рот Виктора, а, скорее, просто приложила пальцы к его губам. — Вы не только сильнее, быстрее и выносливее. Это всё не просто так. Вы живёте совсем недолго. Пять, ну шесть лет, и всё. Последний год — стремительное угасание и смерть.

И она вперилась взглядом в пограничника, ожидая его реакции. Афанасьев только усмехнулся в ответ.

— Странные вы. Живёте столетиями, а самого простого не понимаете. Каждый день жизни — это бесценный дар творца, и никакая бухгалтерия здесь не работает. Шесть лет это не «всего шесть», а «целых шесть лет». Это очень много. И сколько их ни будет, они все мои.

Виктор посмотрел в ее виноватые глаза и вдруг ловко сграбастал пискнувшую Мийру в охапку. Она не стала вырываться, а наоборот притянула к себе его голову и впилась в губы долгим умелым поцелуем.

Оказалось, что койка сделана — на зависть. За всё время ни разу не скрипнула. Хотя поводов скрипеть имелось предостаточно.

— ...Я, знаешь ли, тоже не фермерша, — промурлыкала Мийра, поудобнее устраивая свою голову на обнимающей её сильной руке.

— А кто? — спросил Виктор, приподняв голову. — В смысле: разведка, контрразведка, полиция?

— М-да? А откуда такая уверенность? Может быть, я просто налоговый инспектор на отдыхе?

— У кого ж ты налоги собираешь, что привыкла в потайной кобуре пистолет носить? Или у вас тут вайров налогами обложили?

— Какой-такой пистолет?

— Тот самый, что ты вместе с кобурой своей одеждой замаскировала, — пограничник негромко рассмеялся. — Я об него палец отбил, когда тебя обнимал...

— Ничего не знаю, это ты мне подсунул. А я — скромная учительница...

— В спецшколе для секретных агентов?

— Перестань придирааться и иди ко мне...

Настоящий прорыв в области одежды продемонстрировал модный дом Ведис. Изящное купальное платье, прозрачное и лёгкое, при попадании в воду становится лёгким, но прочным гидрокостюмом, облегающим тело словно вторая кожа. Но достаточно нескольких минут на суше, как он вновь превращается в платье, развевающееся на ветру.

Кон Ведис обещает, что вся линейка Сезона Штормов будет доступна для заказов через сетевые магазины.

Надоели серые стены куполов и подводная муть рудных комплексов? Туристическое агентство Адеши-тур представляет новый развлекательно-туристический комплекс «Лагуна». Игорные заведения, досуговые центры и обширная развлекательная программа ждут вас. Для сотрудников корпораций Талесс, Герхон и Даним — скидка до пятнадцати процентов!

Утром за завтраком Мийра сказала:

— Нравится тебе или нет, но придётся пока побыть фермером. Хотя бы первое время, — и она посмотрела на Виктора, ожидая вопросов.

Но тот только понятливо кивнул:

— Ясно. Будешь учить меня правилам здешней жизни, — и впился крепкими зубами в кусок копчёного мяса.

Мийра кивнула и налила в его чашку какой-то напиток, цветом и запахом напоминающий кофе:

— Вот именно. Поэтому сейчас мы поедим и переставим тебе чип Гоши. Потом ты отведёшь всю ораву на плантации, а затем займёшься трупом. Отвезёшь в четвёртый квадрат.

— Ага, в самое логово тагами...

— Вот именно. В нем девяносто килограммов... — она чуть запнулась, — было. За час сожрут вместе с гидрокостюмом.

Виктор кивнул. Мийра погладила его по руке:

— Только будь осторожен. Мне совсем не хочется, чтобы пищей для маленьких тагами оказался ещё и ты.

Когда охотник ушёл, она вдруг подумала, что у него наверняка должно быть своё имя. Если он хоть частично помнит свою предыдущую жизнь.

Но об этом она подумает позже. Сейчас ей предстояло очень важное дело, которое не стоило откладывать.

По памяти набрала длинный номер и села перед экраном.

Молодая девушка в синем гатао со складчатыми отворотами и логотипом компании широко улыбнулась.

— Торговая компания «Элео». Чем могу быть полезной, госпожа?

— Личный номер девять, восемнадцать, двадцать один, десять. Код ти-харс. Внутренний сто двадцать один-шестнадцать.

— Переключая, — улыбка у девушки чуть угасла и сразу же сменилась переливающимся экраном, что означало установку защищённого соединения.

— Привет, попрыгунья! — маршал Шагет, никогда не утруждавший себя уставными формальностями, и сейчас остался верен себе. Сидя в потёртом кресле, обитом кожей собственноручно добытого ашшраха, он развернулся к экрану и тепло улыбнулся. — Судя по тому, что ты вышла на незапланированную связь, ты всё-таки прикончила этого бедолагу, а я таки стал беднее на тысячу монет.

[Купить полную версию книги](#)

notes	
-------	--

Примечания

Виктор вспоминает названия японских смертников на торпедах (кукусуйтай) или на взрывающихся катерах (синье токкотай). Книга, которую он читал в детстве, это «Патент АВ», написал которую автор известного «Старика Хоттабыча» Лазарь Лагин.

Авторы сочли ненужным обрушивать на читателя бесполезные сведения, вроде табеля о рангах других миров. Что изменится, если читатели узнают, как называлось звание Мийры? Впрочем, для особо любопытных сообщаем: Мийра эйс Фархт'нга зан Коорт носила звание «хтаартор» и командовала манёвренной группой в «друбе» специального назначения, непосредственно подчиняясь «дживу» первой «голны» Управления.

С. Михалков. «Как старик корову продавал».